

МИХАИЛ
НЕСТЕРОВ

Директива –
УНИЧТОЖИТЬ

ЭКСМО

Черная кошка

Михаил Нестеров

Директива – уничтожить

«ЭКСМО»

Нестеров М. П.

Директива – уничтожить / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
— (Черная кошка)

ISBN 5-04-008765-9

Если тебя объявили опасным преступником, обложили, как загнанного волка, и ценой твоей крови хотят скрыть свои преступления, то остается надеяться только на себя. Солдату срочной службы Антону Никитину, которого «подставили» преступники в генеральских погонах, ясно одно: спастись можно, только взяв врагов за горло. Он не такой уж боевой вояка, но, когда смерть идет по пятам, поневоле станешь крутым бойцом, способным обломать зубы любому противнику.

ISBN 5-04-008765-9

© Нестеров М. П.
© Эксмо

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
1	9
2	13
3	17
4	20
5	24
6	36
7	40
8	49
9	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Михаил Нестеров

Директива – уничтожить

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества, не более. Взгляды и высказанные мнения не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к религии, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

«...Действия этого мероприятия заключаются в следующем:

а) в бесследном исчезновении обвиняемого;

б) в том, что о его местонахождении и его судьбе не должно просачиваться никаких сведений».

**Фельдмаршал Кейтель, из циркуляра о приказе «Nacht und Nebel»
2 февраля 1942 года**

Пролог МОСКВА

Черноволосый паренек лет пятнадцати-шестнадцати, прихрамывая на правую ногу, бежал к трамвайной остановке. Он то и дело оглядывался, выхватывая позади себя неясные силуэты двух преследователей. Бесконечно длинный вечер повис над улицами города, кое-где на столбах начали загораться огни.

Парень в третий или четвертый раз крикнул: «Помогите!», но только отпугнул людей, разрозненной кучкой стоявших на остановке.

Освещая перед собой пространство, к остановке подъехал трамвай 50-го маршрута, и парень, судорожно ухватившись за поручень, втолкнул свое тело во второй вагон. Привставая с колена, он оглянулся, моля водителя трамвая поторопиться. Но тот медлил. Или заметил, как к трамваю спешат еще два человека.

– Нет! – на глаза преследуемого навернулись слезы. – Нет! Нет!

Они уже были в вагоне.

Трамвай лязгнул дверями и шумно покати по рельсам.

Двое, не обращая внимания на притихших пассажиров, приблизились. Они были не намного старше своей жертвы. Один из них вдруг резко ударил парня ногой в пах. Вторым ударил по ребрам. Парень, не издав ни звука, повалился на грязный пол. Две руки зашарили по его карманам, выгребая деньги, проездной билет, льготную справку из школы.

Денег оказалось мало – около тридцати тысяч. Вzbешенные, они снова начали избивать подростка. Курчавые волосы у виска пропитались кровью. Он потерял сознание.

Трамвай остановился.

– Нижние поля, – объявил водитель.

Они вышли и не спеша направились вверх по Люблинской улице.

Девушка лет шестнадцати, сидевшая у первой двери, быстро выбежала и пересела в другой вагон.

Остальные пассажиры не могли видеть, как она прошла к водителю. Однако вскоре трамвай остановился. Девушка подбежала к телефонам-автоматам.

Кое-кто из пассажиров молча одобрил ее действия, хотя ни один не встал с места и не приблизился к подростку. Он все так же лежал без движения.

В дежурной части Волгоградского отделения милиции города Москвы сегодня было многолюдно. К вечеру нагрянула съемочная группа одной из многочисленных московских телекомпаний.

– Учтите, – сказал журналист, веселый конопатый парень, – мы реагируем на вызовы не хуже вас. Места в машине найдутся?

Дежурный не ответил. Последнее время он привык к подобным гостям. Это прежний начальник отделения репортеров на дух не переносил, а новый разрешил прийти и съемочной группе телекомпании, и корреспондентке газеты «Проспект Независимости».

Дежурный стрельнул у журналиста закурить, прикинув, что свою пачку сигарет он сегодня вряд ли распечатает. Тихо порадовавшись, милиционер попросил огоньку.

Час назад поступила оперативная сводка: в трамвае 50-го маршрута было совершено разбойное нападение на подростка. Ориентировочно, нападавшие скрылись на нечетной стороне улицы Люблинская, у дома № 141.

Задержать их удалось совсем в другом месте – у метро «Волгоградский проспект».

Съемочная группа всем составом удивилась оперативности милиционеров, но, когда задержанных доставили в отделение, немного остыла: у обоих была запоминающаяся, даже бросающаяся в глаза внешность – короткие стрижки с высоко выбритыми висками и затылками и рубашки с короткими рукавами защитного цвета.

Они не отрицали своей вины.

Почему они избили незнакомого парня и отобрали у него деньги? Потому что он еврей.

Репортер телеканала, обменявшись взглядами со Светланой Рогожиной, корреспонденткой «Проспекта Независимости», задал одному из задержанных вопрос:

– Ты не любишь евреев?

– Я ненавижу жидов.

– А еще кого?

– Кроме русских, всех: хохлов, цыган, косоглазых.

– Судя по твоей прическе, ты состоишь в какой-то группировке или движении. Что это за организация, если не секрет, неонацистская?

– Нет, я принадлежу к «Красным массам».

– А твой друг?

– Тоже.

– Насколько мне известно, «Красные массы» недалеко ушли от бритоголовых.

Подросток пожал плечами и больше на вопросы отвечать не стал. Его отвели на допрос к дежурному следователю.

– Что это за организация «Красные массы»? – спросила Рогожина. Она несколько нервозно сложила блокнот и убрала фотоаппарат в сумку. Те двое спокойно вели себя при съемке камерой, но отчего-то забеспокоились, когда Светлана навела на них объектив фотоаппарата. Один из них подался вперед, и журналистка совсем близко увидела его безумные глаза с расширенными зрачками; ей стало не по себе. Снимок она так и не сделала.

– «Красные массы»? – переспросил телерепортер. – Разве ты ничего не слышала о них?

– Так, краем уха. В основном я работаю по музеям, выставкам, галереям. Здесь, можно сказать, случайно. Так что это за организация?

– Полувоенное формирование. Создано, видимо, по немецкому типу «фрейкор». Дробов вообще многое перенял от нацистов. Дробов – генерал в отставке, лидер движения, одобренного идеологией для реакционно настроенных масс. Для обывателя.

– Такое чувство, что слово «обыватель» ты поставил особняком.

Репортер рассмеялся.

– Абсолютно точно. Это существенная поправка к основной мысли. Такое подчеркивание скрашивает репортажи. Иногда. Учись.

Рогожина слегка покраснела. Она была молода и только начинала в журналистике. Если бы не редактор газеты, поручивший ей освещение криминальной хроники по Юго-Восточному административному округу, она бы никогда не появилась в отделении.

А конопатый не обратил внимания на розовый цвет ее лица.

– Как и положено, у генерала есть боевики. Только они называют себя не боевиками, а борцами. Эти, – он кивнул головой в сторону темного коридора, – не в счет в прямом смысле слова. Дробову никогда бы не пришлось в голову посчитать полоумных фанатиков своего движения. Хотя... черт его знает. Может, кое-какую статистику по ним он и имеет. Надо сказать, что в его организации очень четкие разграничения. У него, например, личная охрана не является боевой единицей, она выполняет чисто охранные функции. И все.

– Личная гвардия, что ли?

– А чему ты удивляешься? К примеру, гвардия была у Цезаря, Наполеона, Фридриха Второго, у персов...

– Ну, с гвардией понятно, она не так многочисленна. А вот что касается боевиков. Ты говоришь, их у него много?

Рогожина справилась со смущением, журналист даже почувствовал напор в ее вопросах. Это была своеобразная тактика, и он понял ее.

– В десятки раз больше, чем в любой преступной группировке.

– Каким же образом он сумел привлечь на свою сторону столько народа?

– Тут несколько факторов. – Репортер с чувством превосходства пустился в «апломбированный дискус»: – Деклассированность молодежи – раз. Второй фактор – безработица, третий – уголовники. Последние охотно принимают подобные предложения. Правда, это низы, они понятия не имеют, что происходит наверху. Личная охрана – еще не все. Мне кажется, я сумею удивить тебя. Организация Дробова, подобно гестапо, делится на управления и отделы. Забеги ко мне завтра утром, я подготовлю тебе справочку.

– Ты делал репортажи о «Красных массах»?

Журналист махнул рукой:

– Так, постытина. Я нашел много интересного в их деятельности, но сенсации не получилось. А если честно, то даже интересного репортажа.

– Значит, «Красные массы» – полувоенное формирование, а силовые структуры не принимают к ним никаких мер?

– Во-первых, не за что. Во-вторых, считается, что они неопасны. Сейчас многие генералы в отставке возглавили различные политические движения. В чем-то они даже полезны.

– Да? И в чем же?

– На этот вопрос нет ответа.

Утром Светлана Рогожина появилась с бумагой в руках. Репортер спешил сам и поторапливал девушку. Говорил он быстро:

– Скажу сразу, что эти данные изрядно поросли мхом: им пошел второй год. «Красные массы» имели или имеют несколько отделов. Когда эта информация впервые попала ко мне в руки, я посчитал ее ценной и секретной. Мой шеф с этим не согласился. Часа через два, посидев над материалами по преступным группировкам и неонацистам, я занял его позицию. Ты читай, читай, садись рядом.

Рогожина прочла:

«1-й отдел: коммунисты, реакционеры, оппозиционеры.

2-й отдел: церковь, секты, эмигранты, масоны, евреи.

3-й отдел: аграрные и социально-политические проблемы.

4-й отдел: радиоперехват, сбор и обработка информации.

5-й отдел: печать.

6-й отдел: гомосексуализм.

7-й отдел: контрразведка».

– И все эти отделы работают?

– Больше половины из них пассивны. Активны только три – 4, 5 и 7-й.

– Солидно.

– Погоди восхищаться, прочти еще вот это. Здесь приблизительный список предприятий.

Почти все – совместные, с офисами в Германии. Солидные фирмы, выгодные контракты. У генерала в фатерланде налажены прочные связи. Он лично стоял у истоков каждой из фирм.

Читая, Светлана покачивала головой.

«ООО «Волга-Рейн металл», директор Борисов Сергей Игнатьевич.

Совместное торговое предприятие «DM» (мебель, аксессуары), генеральный директор Ойген Далюге.

Дилерское предприятие концерна «Глобус» в Москве «Глобус-сервис», директор Шишкин Юрий Германович.

Совместное российско-германское предприятие «Винтерсхалл» (химическая промышленность), генеральный директор Отто Ростерг, руководитель с российской стороны Зотов Олег Дмитриевич.

Страховая компания «Скат», директор Барсуков Евгений Александрович...»

Репортер указал мизинцем на последнюю строчку.

– Страховой компании больше нет. Просуществовала около двух месяцев. А вообще впечатляет, правда?

Рогожина согласилась.

– Тут есть одно «но». Сравнение. Если сравнивать кое с кем, то генерал-майор в отставке Дробов смотрится на определенном фоне даже не майором, а младшим лейтенантом. Существуют такие солидные организации и люди, что... – Репортер щелкнул языком. – Однако все это порядком заезжено, «Красные массы» все же помельче, хотя и посвежее. Однако тебе вряд ли стоит писать, опираясь на мои данные. Твой редактор сразу зарежет статью – нет ссылки на источник информации.

– А нельзя сослаться на тебя?

– Ссылайся, только это уже не будет вашим исследованием. Сделай вот что, возьми интервью у Дробова. Журналисты нечасто балуют его своими посещениями.

– Почему?

– Интервью получаются какими-то обезжиренными. Одним словом, неинтересно.

– Мне так не кажется.

– Ну что ж, тебе и карты в руки!

Часть первая

1

Совершенно секретно
Без приложения – секретно
Заместителю директора ФСБ РФ
В одном экземпляре

2 августа 1997 года около 23 часов в в/ч специального назначения 14462 (ПриВО, Самарская обл., г. Чапаевск) рядовым Никишиным Антоном Николаевичем было совершено вооруженное нападение на караульных рядовых с/сл. Каргина Михаила Юрьевича, Полетаева Игоря Максимовича, сержанта-разводящего Пахомова Александра Владимировича и помощника начальника караула прапорщика Шляха Евгения Александровича. В ходе оперативной ревизии, проведенной на складе, выявилось, что со склада было похищено 40 килограммов (восемь единиц в спецупаковке) фосфорорганического отравляющего вещества нервно-паралитического действия А-232 «Новичок-5»¹ и несколько (данные уточняются) упаковок взрывчатки типа ПВВ.

В результате вооруженного нападения, совершенного Никишиным А. Н., из автомата «калашников» были убиты прапорщик Шлях Е. А., сержант Пахомов А. В., рядовые Каргин М. Ю. и Полетаев И. М. Рядовой Никишин А. Н. с места преступления скрылся. Следствие по факту вышеизложенного ведет группа оперативного управления ФСБ совместно с Военной прокуратурой.

Руководитель группы
оперативного управления по Самарской области
подполковник Веригин Александр Самойлович. 3.08.97

САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Сумерки для водителей самое трудное время, когда еще не наступила ночь и не закончился день. В темно-серой пелене, которая внезапно обволакивает все окружающее, бесполезны включенные фары. В какой-то степени они даже мешают. Глаза еще не перестроились, чтобы смотреть в ночь, но и отвыкли от дневного света, зависнув в каком-то странном состоянии, похожем на куриную слепоту.

«Скорее бы уж совсем стемнело», – думал Аркадий Разгон, выключая дальний свет: встречная машина отчаянно мигала ему. Он снова погрузился в полумрак с движущейся лентой расплывчатых огней.

«А может, у меня что-то с глазами?» Аркадий водил машину всего год, и у него появилось желание свернуть на обочину и дождаться, когда стемнеет окончательно. Навстречу проехала еще одна машина; прикрывая глаза от яркого света, он заметил на лобовом стекле тон-

¹ Токсичность газа 3-го поколения А-232 в десятки раз превышает токсичность зарина, смерть наступает в течение нескольких секунд пребывания в зараженной атмосфере или в случае попадания на кожу. Пораженные излечению не поддаются.

чайшую пленку салых разводов. Всему виной мошкaра, разбиающаяся о стекло. Протирай не протирай, все равно пленка останется.

В городе, конечно, не так, там помогает уличное освещение, да и скорости другие, чем на трассе. Трасса заставляет ехать не так, как гласят правила, а по собственным законам, по законам дороги. Скорости не меняются и не подгоняются под время суток, они неизменны и днем, и вечером. И в сумерки.

«Нет, дело не в полумраке, что-то случилось с моими глазами». Аркадий повернул переключатель поворота и съехал на обочину. Заглушив двигатель, он оставил габаритные огни.

Теперь сальяя пленка была видна отчетливо, создавая зеркальный эффект. Лучше помыть стекло, решил Аркадий. В багажнике лежала пластиковая бутылка с очистителем. Он изготовлен на спиртовой основе и наверняка должен помочь.

Аркадий взялся за ручку двери и вышел. Потягиваясь, он определил, что до Самары ехать еще около часа. Ерунда. Он уже миновал Чапаевск, оставит стороной Новокуйбышевск, а дальше направление на Воскресенку.

Он еще раз потянулся и растерянно посмотрел на капот своей «четверки». Зачем он вышел? Недоуменно похлопав ресницами, через секунду-другую вспомнил: очиститель.

Вот теперь что-то с памятью. И с глазами. А годков ему всего двадцать три. Шутливо копаясь в собственных изъянах, Аркадий вынул ключи зажигания и открыл багажник.

Так, где эта бутылка?..

– У тебя есть буксировочный трос?

От неожиданности Аркадий, выпрямляясь, ударился головой о крышку багажника. Незнакомый голос повторил:

– У тебя есть буксировочный трос?

Аркадий медленно повернул голову.

В трех шагах от него стоял человек в военной форме. В руках у него был автомат.

Память на этот раз возвратилась к Аркадию быстро. «Калашников» – мгновенно определил он. И машинально ответил на вопрос:

– Есть.

Пока он еще не испугался, испуг придет немного позже. Даже не испуг, а животный страх.

– Достань его, – прозвучала команда.

Погромыхав пустой канистрой, Аркадий вытащил моток капроновой веревки.

– Двигай к лесопосадке.

Вот теперь лоб и щеки внезапно заledenели, вся кровь ухнула в ноги. Даже стоять стало тяжело. Чувствуя дрожь в коленях, он, заикаясь, спросил:

– Зачем?

– Поменяемся одеждой. Ну давай, пошевеливайся.

Сумерки ушли. Наступила та самая пора, которой хотел дожидаться Аркадий. Вот и дождался. Он бросил на трассу жалобный взгляд. Вряд ли кто-то из проезжающих обратит внимание на стоящую на обочине машину, слабо освещенную изнутри, и двух людей, один из которых вполне естественно замер у открытого багажника, а второй находился чуть ниже; автомат был короткий, и он держал его у бедра, так что на скорости невозможно определить, что этот человек вооружен. К тому же внимание водителей сосредоточено на дороге. Аркадий успел послать проклятие в адрес сумерек, которые заставили его съехать на обочину. Мозг и чувства работали в режиме стресса.

Он сделал неуверенный шаг к лесопосадке.

Парень с автоматом сместился ближе к машине и повелительно повел стволом.

Аркадий сделал еще один шаг.

– Вы не убьете меня?

– Пока ты выполняешь мои команды, нет.

Еще шаг.

– Вы просто говорите так.

– Мне не нужна твоя жизнь. Мне нужна твоя машина.

Аркадий порадовался и в то же время огорчился. Машину ему было жалко. Сделав в темноте еще один шаг, он проклял еще и русскую поговорку «Из двух зол...».

– Стой. Брось трос на землю и начинай раздеваться.

Говоривший вдохновил его своим примером. Держа палец на спусковом крючке, он одной рукой ловко расшнуровал грубые казенные ботинки и бросил их к ногам Аркадия.

– Давай быстрее.

Аркадий разулся. Снял брюки, полез в карман.

– Что ты делаешь?

Ответ прозвучал наивно. Даже глупо.

– Достаю деньги.

– Оставь их в кармане. Одевайся.

– Что? – слабая надежда забрезжила в мозгу Аркадия. Но ее тут же потушили:

– Надевай мою форму.

Сам грабитель уже застегивал на груди джинсовую рубашку своей жертвы. Аркадий был высоким, но несколько полноватым; солдат оказался его роста, крепкого телосложения. Так что одежда пришлась ему впору.

– Где у тебя документы?

Аркадий, застегивая брюки, кивнул на рубашку. Военный похлопал по карманам и извлек документы – права и техпаспорт на машину. Позже, вглядываясь в фотографию, он с удовлетворением заметит, что они чем-то похожи с этим Разгоном Аркадием Михайловичем. Должно же было и ему повезти сегодня. Хотя ему уже повезло: не пришлось голосовать, останавливая машину.

В кармане брюк оказалось шестьсот тысяч с небольшим. Парень с автоматом, пересчитав деньги, положил их на место.

– На колени, – скомандовал он.

С этой страшной командой Аркадия накрыла волна страха; подобный приказ не оставлял ему никаких шансов. Словно под воздействием сильного наркотика, он послушно опустился на землю. Глаза подернулись влагой, в темноте он пытался отыскать взгляд грабителя:

– Не убивай меня. – Он непроизвольно всхлипнул.

Солдат говорил тихо, но четко:

– Руки назад.

– Пожалуйста. – Аркадий перевел руки за спину и сцепил пальцы вместе. Он уже не контролировал себя. Всхлипнул еще раз. И еще. Неожиданно икнул. Почти тут же почувствовал на запястьях холодное прикосновение капронового шнура. Руки непроизвольно дернулись и оказались на груди.

– Еще раз так сделаешь, – услышал он, – и мне не придется связывать тебя. Ну!

Аркадий все еще медлил. Теперь он всхлипывал и икал одновременно. Его тело невольно дергалось, он ничего не мог с собой поделать, и в голове возникли обрывки неосознанных пока мыслей: ведет себя недостойно, не по-мужски.

– Ну! – В шею ткнулся холодный ствол.

Он повиновался: руки за спиной, пальцы сцеплены.

Грабитель с задачей справился довольно быстро и со знанием дела. Привязав Аркадия к дереву, он присел возле него на колени и вытянул из брюк ремень.

– Я не убью тебя. Мне нужна только твоя машина. Я доеду до Самары и оставлю ее возле железнодорожного вокзала. Утром тебя обнаружат здесь, ты расскажешь все, после чего най-

дешь свою машину. Насчет денег ничего не обещаю. Скорее всего безнадежно. Чтобы тебя не нашли до рассвета, я заткну тебе рот.

Икота мгновенно пропала. Всхлипывания стали короткими, затухающими. Они были такими же произвольными. Солдат терпеливо ждал, когда Разгон успокоится.

Собственный платок показался Аркадию отвратительным на вкус, однако он тут же унял это ощущение. Он будет жить, Господи!

Он окончательно поверил в это, когда его собственная машина скрылась из виду. Правда, ему показалось, что вскоре двигатель заглох, а потом его вновь запустили, но он не был уверен в этом. Хотя на самом деле это было именно так.

Антон Никишин остановил машину в двухстах метрах от того места, где он оставил Аркадия Разгона, и, воспользовавшись монтировкой, закопал автомат в лесопосадке.

С того момента, как он застрелил прапорщика Шляха, прошло около двадцати минут. Пока разберутся, что случилось, пройдет еще не меньше часа. И еще столько же, прежде чем его объявят в розыск. Будут искать человека в военной форме, и только найдя связанного водителя, дополнят ориентировку. Времени было достаточно.

Антон сел в машину. Если проверка документов на посту ГАИ пройдет успешно, через тридцать-сорок минут он будет в Самаре.

2

Совершенно секретно
Начальникам подразделений ФСБ РФ
Начальникам территориальных органов ФСБ РФ
Начальникам органов военной контрразведки
Принять все меры по задержанию Никишина Антона Николаевича.
Объявить в розыск Никишина А. Н.
Веригину А. С. передать дело подполковнику ФСБ Рябову Михаилу
Анатольевичу.

Оказывать всяческое содействие руководителю следственной группы
подполковнику Рябову М. А.

Усилить контроль и докладывать о всех видах нарушений по хранению,
содержанию и учету боевых ОВ на складах воинских частей начальнику
созданной по факту преступления чрезвычайной комиссии полковнику
Кравцу Роману Семеновичу.

Усилить контроль над ОВ в местах выпуска ОВ, на военно-химических
полигонах, местах испытаний и местах хранения химического оружия.

Заместитель директора ФСБ РФ
генерал-майор А. Писарев.
4/19 № 2916 3.08.1997

Подполковник Рябов прибыл в войсковую часть 14462 под утро. Ему было 39 лет, соотношение веса и роста почти идеальное; кто-то из близких знакомых сказал про него, что он носит на себе отпечаток типичного интеллигента до- и постреволюционного периода. Внешне – да, Рябов принимал это определение, но вообще интеллигентом он был только время от времени. Мягко говоря, подполковник был несдержан.

Он вынул шифрограмму заместителя директора ФСБ и снова перечитал.

– Тезисы, – пробурчал он, пряча бумагу в записную книжку.

Рядом сидел майор Семенов, с которым Рябов делил кабинет на Большой Лубянке, 1/3, и разговаривал по телефону. Услышав реплику начальника, он прикрыл трубку ладонью.

– Что? – Выгоревшие брови слегка приподнялись, резко контрастируя с черными волосами. Семенов был на несколько лет младше Рябова, выше, полнее и еще более несдержан.

Рябов устало махнул рукой.

– Тезисы, – повторил он. – Скоро нас изнасилуют спецупаковкой. Ее диаметр составляет десять сантиметров при длине в тридцать два. – Подполковник невесело ухмыльнулся. – Хороший инструмент. Дернул же черт нашего болвана взять со склада «паралитик» именно в этой упаковке.

Семенов быстро закончил телефонный разговор. Он понимал опасения подполковника: спецупаковка представляла собой радиоуправляемую химическую мину с адской смесью. Нужно только заложить ее в определенном месте, отойти на безопасное расстояние и нажать кнопку на пульте дистанционного управления.

Определенным местом могло быть метро в час пик, и тогда жертвы будут исчисляться не десятками и сотнями, а многими тысячами человек. Поэтому все сообщения из канцелярии ФСБ шли с грифом «Совершенно секретно». Не дай Бог о хищении на складе ОВ узнают журналисты, неизвестно, во что это может вылиться.

«Отчасти Рябов прав, – думал Семенов. – Тезисы. Газетные тезисы: шок, пошатнувшееся доверие к правительству, правоохранительным органам; волна выступлений всевозможных

фракций. Левые и правые поднимут панику, не дадут более-менее спокойно провести следствие и, может быть, подвигнут тем самым преступников к более скорым непредсказуемым действиям».

– Мина с А-232 – это почище ядерного чемоданчика, – доверительно сообщил Семенов.

Рябов скривился от набившего оскомину определения «ядерный чемоданчик». Ничего похожего на чемодан подобные установки собой не представляли, Рябов видел их несколько раз, и правильно они назывались «ядерные устройства ранцевого типа». Весил такой ранец 38 килограммов, мощность от 0,1 до 0,2 килотонны, размеры – 35 сантиметров на 40 сантиметров на...

Оказалось, что Семенов закончил говорить о чемоданах и переключился на год 1919-й, когда в России рванули первые снаряды с отравляющим веществом. Рябову показалось, что Семенов произнес слово «захлебнулись».

– Кто захлебнулся? – спросил он, перебивая Семенова.

Ответ майора слегка удивил.

– Казачье восстание на Верхнем Дону. Захлебнулось фосгеном.

– А при чем тут казаки?

– Да при том. Мы должны знать как можно больше о том, чем собираемся заниматься. Вот ты, к примеру, чем занимался, когда летел сюда?

Рябов пожал плечами.

– Спал.

– Я это видел. И кто только придумал эти затычки для ушей?

– Кстати, очень удобно. Шума двигателей почти не слышишь. Знаешь, из чего они сделаны?

– Нет.

– Из пенорезины.

– Хорошо, что не из порнорезины. А то сидел бы с презервативами в ушах.

– Тяжеловатая шутка, не находишь?

– Нахожу. Вместо того чтобы перечитывать шифрограммы, лучше почитай это. – Семенов протянул Рябову 20-й номер еженедельника «Собеседник» и обратил внимание на рубрику «Расследование». – Статья, как говорится, в кон.

– Не знал, что ты черпаешь сведения из газет. С каких это пор?

Семенов недовольно засопел носом.

– Да не я черпаю! Другие почерпнут. Кто прочтет эту газету. Поэтому я и сказал: статья в кон. Если журналисты пронюхают о краже, они развезут это дело так, что невольно будешь искать связь там, где ее нет и в помине. Будешь по сотовому телефону звонить на небеса и просить, чтобы трубочку взял Петр или Павел. Я не пойму, что людям мешает жить спокойно, какого черта нужно писать о прорыве в Волгу отравляющих веществ. Зачем требуется знать о пожарах на химзаводах, о взрывах снарядов с V-газом, о выбросах в атмосферу. Я понимаю, это интересно, но ведь после каждой строчки следует две, а то и три: сведения о жертвах засекречены, число пострадавших засекречено, сведения о поражении людей не разглашаются. Секреты, секреты, секреты.

– Не всегда это ошибочно, – заметил Рябов, ответивший на горячность товарища улыбкой.

– Русские люди не любят секретов, они чувствуют себя тогда обездоленными, словно у них украли что-то: сорвали с головы шапку, сняли с руки часы или украли кусок хлеба, – не унимался Семенов. – Наш народ стал до того обалделым, что уже пытается понять, что это там говорится в Женевской конвенции и согласна ли Государственная дума России с этим постановлением? А прочитав эту статью, они станут еще умнее. Бомжи, глотая политуру, морщась, будут удивляться: «А почему это у нас только сорок тысяч тонн отравляющих веществ? Почему

так мало?» Рядом остановится древняя старушенция и просветит их: «Это потому, молодые люди, что в эти цифры не входят V-газы и серия «Новичок» в бинарном варианте». – «Да? – удивятся бомжи. – А зачем это, что-то мы не поймем. Может, мало выпили?» А она взглянет на них вот так и ехидно добавит: «Чтобы скрыть и сохранить от ликвидации новейшее ОВ. Чай, слышали о рождении закона «Об уничтожении химического оружия».

Рассмеявшись, Рябов потянулся за сигаретой. Семенов смотрел на него строго.

– Ты не смейся, Михаил, такие статьи, кроме вреда, ничего не принесут. Смута. Люди, толком ничего не зная, будут молоть языками. Они же не доходят до глубины ни в чем, постоянное движение языками идет по верхам, которых они понахватались из таких вот статей. И это происходит всегда.

– Жаль, что тебя не слышит та старушенция. Заклевала бы.

– Я в этом не сомневаюсь. Поэтому и говорю так серьезно. – Семенов, сделав паузу, сменил тему разговора. – Знаешь, – сказал он, – меня, как ни странно, сейчас больше волнует наш псих с автоматом, чем химические мины. На руках у преступников всех рангов столько взрывчатки и ОВ, что можно поднять на воздух и отравить большой город. Пока этого не произошло. До сих пор гремели лишь незначительные по масштабам взрывы, и жертвы оказывались не столь велики. Если сопоставить цифры, то получится, что от рук Никишиных погибло больше людей. Вот почему он беспокоит меня больше, чем атомная бомба у Хусейна или ОВ у солнцевской группировки.

– Напиши письмо в газету, за это тебе вышлют гонорар.

– Смейся, Михаил, смейся... Лично у меня перед глазами не лицо террориста-фанатика с похищенным ОВ, а куда более симпатичный образ: недолечившегося психа. Улавливаешь связь?

– Улавливаю.

– Вот у меня на столе последние данные 4-го управления Главной военной прокуратуры: за неполных полгода около сотни военнослужащих были осуждены, и на каждого, если разбросать трупы, приходится по одному убитому. А на каждую тысячу призывников приходится пятьдесят психов.

– Ты нашел сходный случай?

– Да сколько угодно. – Семенов порылся в бумагах. – Вот, пожалуйста, Тихоокеанский пограничный округ, рядовой Н. закончил боевое дежурство, застрелил двух пришедших ему на смену сержантов, убил своего обидчика, до кучи приговорил офицера, потом убил еще одного солдата, ранил шестерых, в том числе жену и сына начальника заставы – это когда он ворвался в его квартиру. Мальчишка через два дня умер в больнице. Бывает, конечно, когда солдаты просто бегут из части, прихватив оружие, и никого не стреляют. Один такой сбежал из гвардейского полка, его искали несколько дней, а когда задержали – прапорщик с тремя сержантами – и отобрали у него оружие, он голыми руками завалил всю группу захвата и снова скрылся. Думаю, наш Никишин ничем не лучше.

– Или не хуже, – улыбнулся Рябов.

– Или не хуже, – согласился Семенов. Он был серьезен и чуть раздражен. – Никишин – спецназовец, КМС, прошел курс диверсионно-террористической подготовки и так далее. Он – профи. Психованный профи. Что может быть хуже? Поверь мне, Михаил, этот парень доберется до нас. Он ворвется в эту комнату через окно, изобьет нас и снова скроется.

Рябов рассмеялся, глядя на серьезную мину Семенова. Майор не знал, что замдиректора ФСБ Писарев в своем кабинете написал несколько слов на клочке бумаги и дал прочитать Рябову. Тот прочел: «Никишин Антон Николаевич – ликвидировать» и вернул записку шефу. Тот сжег ее в пепельнице.

– Все понятно? – спросил он.

Конечно, Рябов понимал все. Никишин должен быть последним человеком, который знает о хищении со склада сильнейшего боевого ОВ, которое после его применения не оставляет больных – только трупы. В этом деле не должно быть даже свидетелей. Писарев не прав в другом. Если ликвидировать Никишина, оборвется паутинка, ведущая к пауку. Ликвидировать – это, конечно, крайний вариант, Никишина нужно попытаться взять живым, живой он будет более полезен, чем мертвый. Подумав, Рябов пришел к выводу, что загружать себя работой не станет, не будет он и колебаться. Если сбежавший солдат окажется дальше расстояния вытянутой руки, он придержит директиву, если ближе, то возьмет его. Это, конечно, образно говоря.

– Да, шеф, – ответил он Писареву, – все понятно. Только я хотел бы получить письменную директиву.

– Я и дал тебе письменную.

Рябов не двинулся с места. КГБ сейчас называется по-другому, перестал существовать и Исполнительный отдел «В», куда направлялись столь деликатные просьбы, тем более что Рябов лично приговор в исполнение приводить не будет: он только в свое время отдаст команду. Поэтому настоял на своем.

Через несколько минут он имел на руках следующую директиву:

Совершенно секретно
Руководителю следственной группы
подполковнику Рябову М. А.
В одном экземпляре
Только для прочтения
Никишин Антон Николаевич – ликвидировать.
Заместитель директора ФСБ РФ
генерал-майор А. Писарев

Машинописный текст, ни числа, ни подписи, ни номера регистрации.

Писарев смотрел на него мрачно.

– Теперь доволен? – спросил он.

Отвечать «нет» сейчас не было никакого смысла, и Рябов сказал «да».

– Можешь оставить ее себе, – разрешил генерал. – Можешь размножить и расклеить на столбах. Сыщи этого сопляка быстро. Кто бы ни задержал его – МВД, пограничники, сами военные или прочая братия, твой человек должен быть в том месте быстрее, чем он заговорит.

Еще не было никаких материалов о рядовом Никишине и хищении на складе войсковой части 14462, кроме предварительного результата оперативной ревизии, проведенной на складе. Их не было даже у самого Рябова; может быть, что-то раскопал Веригин, которому вскоре предстоит сдать все дела Рябову. Ничего не было, а Писарев уже дал директиву – уничтожить. Ничего не было, но это «ничего» было более чем серьезным.

Вспоминая разговор с Писаревым и сопоставляя его с недавними высказываниями Семенова, Рябов обозвал про себя генерала костоломом. «Поставил диагноз... Но жить будет. Пока». Потом в компанию Писарева он присоединил себя и Семенова. Последний, склонившись над материалами дела, не переставал бубнить: «Он психованный профи. Что может быть хуже?»

3

Антон Никишин вошел в зал билетных касс, когда часы показывали 00.03 Москвы. У окошек народу почти не было, несколько человек стояли у огромной карты России, безучастно глядя на паутину железных дорог.

Антон, вынув из кармана водительское удостоверение Аркадия Разгона, протянул кассиру.

– Один билет на ближайший поезд до Москвы.

Кассирша, рябоватая женщина лет сорока, не мигая, даже не раскрыв удостоверение, лениво уставилась на Антона – симпатичный, лицо волевое, взгляд открытый, над бровью мужественный шрам.

– Билеты продаются только по предъявлении паспорта.

Антон виновато улыбнулся.

– Мой паспорт сейчас на прописке.

Кассирша пожала плечами.

– Только по предъявлении паспорта.

– Но мне нужно срочно уехать.

– А мне нужно долго сидеть здесь.

– Водительское удостоверение тоже документ.

– Я работаю не в ГАИ. Попросите гаишника, может быть, он отвезет вас в Москву.

– А по военному билету можно?

Она, не спуская с Антона глаз, кивнула головой в никуда.

– Пройдите в кассу для военнослужащих.

– Скажите, а с проводником можно договориться?

– Не знаю.

– До Москвы можно добраться на электричках?

– Можно, с учетом бесконечных пересадок.

– А конкретнее не подскажете?

– Обратитесь в справочное бюро.

– А где оно?

– Позади вас.

– Большое спасибо. Я все-таки попробую договориться с проводником. Когда ближайший поезд на Москву?

– Узнайте об этом в справочном бюро.

– Оно позади меня?

– Пошел вон отсюда, – без натуги в голосе сказала кассирша, которой надоела эта перебранка, немного развлекшая ее в отсутствие очереди.

– Еще раз благодарю вас.

Антон вышел из зала в надежде, что кассирша хорошо запомнила его, и взял такси до автовокзала.

– Один билет до Ульяновска.

– Вам придется заплатить за предварительную продажу. Рейс до Ульяновска будет только утром.

– Сколько? – Антон заглядывал в окошко, улыбаясь молодой кассирше.

Она посчитала, и он заплатил за билет.

– А вас как зовут, девушка?

– Аня.

– А меня Антон. Вы не скоро заканчиваете дежурство?

- А что? – спросила она, хорошо зная продолжение.
- Ну, мы могли бы куда-нибудь поехать. У меня «четверка».
- У меня в два раза больше.
- Так когда вы заканчиваете?
- Никогда.
- Спасибо.

На выходе из автовокзала его встретили несколько человек:

- В район, в Тольятти, по цене билета на автобус.
- Здесь были и частники, и таксисты, Антон выбрал такси.
- Речной вокзал.
- Через двадцать минут он стоял у кассы речного порта.
- Один билет до Волгограда.
 - Паспорт, пожалуйста.
 - Вот, возьмите, – Антон протянул водительское удостоверение.
 - Я просила паспорт.
 - К сожалению, я его потерял.
 - Тогда я ничем не могу помочь вам.
 - Вы пьете шампанское?
 - Это последний вопрос?
 - Да.
 - Нет, не пью.
 - А как вас зовут? Меня Антон.
 - Молодой человек, отойдите, пожалуйста.
 - Но я же просто спросил.
 - А я вам ответила. Отойдите, не мешайте работать.

Антон вышел на воздух и убедился, что таксист, который привез его, уехал. Он подошел к свободной машине.

- В аэропорт.

«Если тебе нужно уйти от наблюдения, привлеки к себе повышенное, откровенное внимание, сконцентрируй его грубо, но неожиданно, и тогда решение придет само». Так учил его командир разведроты капитан Дмитрий Романов, занимаясь с Антоном индивидуально в своей квартире. «Только не проболтайся, Антон, а то нам обоим врежут. Я вижу, ты парень правильный, я таких единицы встречал. Теперь они знаешь кто?»

«Профи», – ответил Антон.

Сейчас он уже вернулся в реальность, хотя некоторое время назад ему казалось, что он играет роль в каком-то жутком спектакле: были декорации склада с прожектором-софитом, были его друзья... Все казалось призрачным, но почему-то по-настоящему, сжимая простреленное горло, корчился в судорогах Игорек Полетаев, замертво упал Сашка Пахомов, зияла черная дыра широко открытого рта Мишки Каргина. Его друзья... Нет, это все ненастоящее, нет короткой очереди, после которой навсегда затих Полетаев. А вот прапорщик Шлях, после того как Антон пришел в себя, был настоящим. Антон стрелял в него дважды, и оба раза короткими очередями. Живучий, сукин сын.

Как все точно просчитано! Антон еще до подхода караульных к складу боялся не людей, а собственного мозга и нервных окончаний. Тогда он подумал: неужели расчет может быть таким точным?

Сейчас он говорил: нет. Потому что все уже закончилось, расчет оказался неверным. Закончилось все... Хотя нет, не все. В настоящее время он – более чем уравновешенный, и очередное «психо» ему не грозит. Теперь он только профи. На каком уровне – это все заслуга

капитана Романова, и пенять, тем более на него, не было смысла. Теперь, как ни странно, следует, наверное, поблагодарить его.

«Спасибо, Дима».

И еще:

«Я успел, товарищ капитан. Я еще до прихода караула знал, что меня отвлекает от главного».

«Дарвин, датчик, дачник, двести... дрожжи, дротик, дубина, десант. Десант не подходит, а вот...

Да, то слово подошло как раз».

«Психо...»

«Профи...»

Из аэропорта Антон возвращался на рейсовом автобусе и вышел на конечной остановке у автовокзала. Было раннее утро. Теперь основная задача – еще раз сменить одежду и до вечера постараться держаться в людных местах.

4

Полковник Кравец прибыл в войсковую часть 14462 в начале девятого вечера. По идее он должен был лететь вместе со следственной группой Рябова, но задержался в Москве, чтобы получить необходимые для работы сведения в департаменте боеприпасов и спецхимии, улица Маросейка, 12. Поэтому он успел только на рейс 745, вылетающий из аэропорта Домодедово в 16.25. Кравец выслушал доклад Рябова, отпустил командира части и остался с руководителем следственной группы один на один. Три года тому назад он был на месте Рябова, тогда он вел следствие по факту хищений в отдельной бригаде спецназначения Генштаба ВС РФ. За время следствия выяснилось, что со складов этой части исчезло несколько сот килограммов взрывчатки, в том числе и ПВВ, пластита, 300 граммов которого превращают пятиэтажный жилой дом в груды мусора. Недоставало на складах десятков тысяч патронов, оружия и т. д. Взрывчатка со складов Главного разведывательного управления Генштаба поставлялась криминальным структурам и продавалась в «горячие точки» России. Мало того, инструкторы спецподразделения обучали боевиков правилам обращения со взрывчаткой. По ходу следствия волосы на голове Кравца покрывались инеем: хищения на складах части приобрели огромные масштабы. Тащили все, что попадало под руку: гранаты, тротилловые шашки, детонаторы... Преступная группа насчитывала около десяти человек во главе с заместителем командира части. Позже того обвинили по пяти статьям Уголовного кодекса РФ и осудили на несколько лет.

Военнослужащие, конечно, не все, но воровали. Те, кому претило воровство, разгружали вагоны на товарных станциях, подрабатывали в коммерческих киосках, толкались на рынках. А что делать, если зарплату не выдавали, магазины Военторга отпускали продукты под запись, долговые книги распухли до размеров БСЭ. Вот эти работающие, по мнению Кравца, заслуживали сострадания и уважения, а ворюги – тоже сострадания и... звонкой пули в голову.

Бесспорно, полковник ФСБ Кравец был не одинок, когда думал о том, что на военных складах гремят взрывы, чтобы замести следы очередного преступления. Не все, понятно, взрывы связаны с хищениями в вооружении, но первое, что лезло в голову, когда приходила информация об очередном взрыве, это – «замели следы». Хотя помимо преступлений есть еще обычная русская халатность.

К тому же следы преступлений часто вели в зеленые загородные районы Москвы, где высились особняки генералов стоимостью от полумиллиона долларов. В регионах дела обстояли, может, чуть поскромнее, но тоже с шиком. Начинать следствие нужно было не с этого двадцатилетнего пацана, который застрелил своих товарищей, не со склада, где пропало боевое ОВ, а с усадеб, которые понастроили командиры воинских частей.

Так думал полковник Кравец Роман Семенович, возглавивший комиссию по приказу генерал-майора Писарева № 2916 от 3.08.1997 года.

– Что вам удалось узнать об этом парне? – спросил Кравец. Он достал сигарету и прикурил от зажигалки Рябова. – Только коротко.

Подполковник тоже закурил. Не глядя в бумаги, он начал:

– Никишин Антон Николаевич, 1977 года рождения, родился в Москве, окончил среднюю школу, состоял в спортивном обществе «Динамо», кандидат в мастера спорта по самбо. До призыва на военную службу имел несколько личных встреч с военкомом своего района: просил направить его в войска спецназначения. С той же просьбой обращался в муниципальный округ Войковский и Северный административный округ. До призыва проживал с матерью, отца нет, характеристики из школы и общества «Динамо» положительные. Вот полюбуемся, – Рябов положил перед полковником несколько листов. – Никишин взял билет на автобус до Ульяновска – в автобусе его не было. Он пытался взять билет на теплоход до Волгограда – билета без паспорта ему не дали. Этот случай доказывает, что Никишин явно сбивает нас

со следа и начинает с нами игру. Все же на теплоход в Саратове вошла наша группа, там его не оказалось. Поездом он хотел уехать в Москву, подробно расспрашивал, как это можно сделать. Кассирша сказала, что он хотел договориться с проводниками. До сих пор проверяют все поезда; пока Никишина не обнаружили. Наконец, в аэропорту...

– Достаточно, – перебил его Кравец, не взглянув в бумаги. – Сколько он прослужил?

– Один год и три месяца.

– Такое чувство, что десять лет и три года.

– В этой части очень хорошая теоретическая подготовка, фактически здесь учат разведке.

А Никишин как раз и служил в разведроте.

– Вы беседовали с кем-нибудь из сослуживцев, кто был с ним в дружеских отношениях?

– Да, я говорил с несколькими. Неуставных отношений в части вроде бы нет, тем более что Никишин прослужил больше года. А вот младший сержант Малышев – они из одного взвода – сказал, что у Шляха и Никишина были натянутые отношения.

– Шлях – один из погибших?

– Да, прапорщик, считай ровесник.

– Корни у этой неприязни есть?

– Есть. Дело в том, что Шлях как бы застрял на границе срочной службы и сверхсрочной, когда подписал контракт. С одной стороны, он имеет офицерскую должность, а с другой – всего лишь на пару лет старше. Понимаете, о чем я хочу сказать? Если более образно, то он даже не «дед» на солдатском жаргоне, а «прадед». Визуально это никак не проявлялось. Во всяком случае, жалоб на Шляха не поступало.

Кравец кивнул: продолжайте.

– Шлях был одним из лучших бойцов в части по рукопашному бою, Никишин – нет, но он был крепким орешком. Малышев рассказывал, что Антон иногда терял сознание на ковре, но все же не сдавался, а Шлях от этого заводился. И предпочитал брать в спарринг-партнеры именно Никишина. Как-то наш беглец сказал Малышеву, что когда-нибудь он убьет Шляха. Хотя не это самое интересное. Нам удалось выяснить, что незадолго до этого происшествия Никишину дважды предоставляли увольнительные отпуска в дневное время.

– Увольнительные редкость в этой части?

– В общем, нет, правда, пойти практически некуда. А Никишину давали увольнительные по факту приезда к нему знакомых. В журнале на КПП эти знакомые, как и положено, были зарегистрированы. Их имена – Бекмерза Албаков и Шамсудин Мараев.

Кравец, хмыкнув, с сомнением покачал головой.

– Вот как?

– Да, Роман Семенович, именно так. Оба, и Албаков, и Мараев, чеченцы. Сейчас их фамилии в работе, пытаемся установить, принадлежат ли они к какой-нибудь чеченской диаспоре или являются членами незаконных вооруженных формирований.

– Как-то неаккуратно они отмечались на КПП.

Рябов развел руками.

– Лица кавказской национальности... Не могли же они сказать, что они Иванов и Петров.

– Почему нет? Их паспортные данные записаны в журнале?

– Да, дежурный лично проверяет документы приезжающих.

– Ну хорошо. А место происшествия вы осматривали? Как вообще вы представляете себе процедуру передачи товара Никишиным... будем говорить... покупателю?

– Склад артвооружения находится в ста пятидесяти метрах от ближайшей казармы, в пятидесяти метрах от клуба и в двадцати метрах от забора, забор высотой два метра сорок сантиметров. Никишин заступил на пост в девять часов вечера, сменить его должны были в двадцать три часа, следовательно, у него в запасе было два часа или около этого. За это время он спилил дужки у двух замков, снял пломбу, открыл склад, вынес мины, пластит и передал

их через забор... покупателю. В этот момент пришли разводящий и два караульных, Никишин заметил их и расстрелял из автомата с глушителем.

– С глушителем?.. Ах, ну да, конечно.

– Да, он хорошо подготовился к отступлению и тем не менее сделал несколько мелких ошибок, нарушив элементарные правила безопасности.

– Например?

– Например, во время одного увольнения он купил в магазине хозяйственных товаров ножовочное полотно по металлу. По фотографии продавщица опознала Никишина.

– Значит, он спилил замки, передал товар и...

– Перелез через забор.

– А тех, кто должен был по идее ждать его, уже не было.

– Не было. Поэтому он самостоятельно покидал пределы Чапаевска.

– Выходит, они его «кинули»?

– Вероятнее всего, в спешке уехали.

– Мне кажется, это одно и то же.

Рябов не согласился с полковником.

– Я объясню. Они не могли его «кинуть», они должны были либо взять его с собой, либо пристрелить там же, возле забора. Третьего варианта быть не может. Он или свой, или чужой в доску. Вероятно, произошла накладка, вследствие которой Никишин остался один.

– А вам не кажется, что Никишин очень уж задержался с передачей товара? Почему он рисковал, передавая товар в момент смены караула?

– Главная причина, как мне кажется, в прапорщике Шляхе. Антон «на прощанье» решил поквитаться с обидчиком. Тем более что он прямо говорил об этом сержанту Малышеву. Конечно, могла быть и другая причина, например, покупатель задержался. Хотя это маловероятно, в таких делах все рассчитывается вплоть до секунды.

– Да, – согласился с подполковником Кравец, – и время передачи мог назначить только сам Никишин. Выходит, он сделал два дела, включая, так сказать, месть.

Рябов подтвердил:

– Да. И может быть, причина той самой накладки кроется именно в этом.

– Значит, – повторил Кравец, – он все-таки решил сделать два дела... Мне не очень нравится этот слоеный пирог, но пока давайте примем его за точку отсчета и будем работать дальше. Правда, мне не нравится еще одно: эти чеченские фамилии. Какая-то откровенная показуха.

– Чеченцы всегда были дерзкими.

– Но не до безобразия. Узнайте вот что, Михаил Анатольевич: кто был дежурным офицером на КПП в те дни, когда к Никишину приезжали...

– Албаков и Мараев, – подсказал Рябов.

– Да, они. И не совпали ли эти дежурства. Я хочу сказать, не дежурил ли один и тот же офицер в обоих случаях увольнительных отпусков Никишина. Кстати, кто заносит данные в журнал – сам офицер или, к примеру, сержант, дежурящий с ним?

– Может и тот, и другой. Но точно я пока не отвечу.

– А почерк в журнале один и тот же?

– Извините, Роман Семенович, этим занимался лейтенант Могилев, а я как-то не догадался спросить.

– А вот вы и узнайте у него, расспросите получше, как проходит работа на КПП, ее особенности, нюансы... Где останавливались чеченцы, вы узнавали?

– Работа в этом направлении идет, подключены районные органы МВД, проверяются гостиницы. Если там таковые не числятся, то будем проверять частные дома и квартиры.

– Очень хорошо. Если Албаков и Мараев когда-либо останавливались в той или иной гостинице, нужно будет узнать, кто регистрировал их, и спросить у него, не знакома ли ему фамилия дежурного КПП в войсковой части 14462. Даже больше, нужно будет опросить весь штат гостиницы, имеющий доступ к журналам регистрации. Далее, нужно найти хотя бы одного свидетеля разговора Никишина с Малышевым о том, что тот хочет убить Шляха. Потом еще раз поговорить с Малышевым, узнать, в курсе ли он «чеченских» встреч Никишина, если да, то насколько. Все это очень важно, я не любитель слоеных пирогов. Сейчас вы мне расскажете, как ведутся поиски Никишина, и мы пригласим сюда командира части, поговорим с ним собственноручно об А-232, о взрывчатке, условиях хранения и так далее. Мне эта тема не нова, думаю, мы сумеем узнать что-нибудь полезное. Кстати, вы отдали распоряжение о задержании Албакова и Мараева?

– Да, у обоих таганрогская прописка, капитан Кирсанов срочно вылетел туда.

В этот момент в комнату вошел майор Семенов, поздоровался с Кравцом и сел за стол.

– Судя по целым стеклам в окнах, Никишин еще не приходил, – сострил майор и неожиданно добавил: – «В рекруты должны сдаваться люди добрые, человечные, не старые, не увечные и не дураки».

Кравец, приоткрыв рот, склонил голову.

Семенов пояснил:

– Петр Первый, основные требования к рекрутам.

5

Антон избегал неосвещенных улиц и проулков. Сейчас он шел по улице, названия которой даже не знал. Впереди показался перекресток, Антон решил не сворачивать и прошел прямо. Справа от него китайской стеной уходил вдаль желтый забор какого-то предприятия, слева – одно- и двухэтажные дома. Сейчас ему необходимо было сменить одежду, и он ломал голову над этим вопросом. Пройдя автобусную остановку, он постоял у проходной, затем перешел на другую сторону, где был расположен стадион, и двинулся дальше. Впереди показались здания еще одного предприятия, часть окон корпусов ярко светилась. Несмотря на выходной, завод работал во вторую смену.

Миновав маленькую проходную, он вдруг остановился и посмотрел на забор – не очень высокий, наверху ничего похожего на колючую проволоку или «егозу» – стальную, острую как лезвие ленту. Антон сделал вывод, что завод нережимный, охрана по периметру скорее всего не выставлена, только на проходных. Хотя периодически территорию должны обходить.

Он оглянулся – никого. Впереди тоже. Подпрыгнув, ухватился за верхний край забора. Подтянувшись, распластался на узкой площадке и внимательно огляделся. Ни охранников, ни собак. Он спрыгнул на территорию завода и пошел вдоль освещенного корпуса.

Вот и проходная, только уже с внутренней стороны, напротив нее высокое здание, окна светятся только на первом и втором этажах. Пройдя мимо центрального входа, Антон прочитал: «Очистные сооружения». Забор по правую сторону от очистных вплотную примыкал к стадиону, Антон пошел вдоль него, бросая взгляды на окна. В третьем или четвертом по счету окне он увидел что-то похожее на раздевалку: в ряд стояли темно-синие шкафы, обклеенные порнографическими фотографиями. Отлично, значит, раздевалка мужская. Он снова оглянулся и подошел к окну вплотную.

Шкафы стояли в два ряда, у правой стены комнаты раковина с краном, за ней дверь, ведущая, по всей видимости, в душевую; входную дверь за шкафами не видно. Справа стояли стол и несколько стульев. За столом, уронив голову на руки, спал мужчина в рабочей спецовке. Третий шкаф слева открыт, в нем видна одежда. А еще Антон обратил внимание на то, что на шкафах не было замков. Странно, наверное, запиралась входная дверь и в помещении кто-то постоянно присутствовал.

Антон решил рискнуть и смело подошел к центральному входу; дверь оказалась незапертой. Осторожно пройдя узким коридором, он оказался в большом зале с высокими резервуарами серого цвета. И ни души кругом, только где-то мерно работал одинокий мотор.

Сориентировавшись, Антон двинулся по левой стороне и оказался на пустой площадке, равной половине баскетбольной. Вверх уходила металлическая лестница, и именно оттуда доносился шум работающего мотора. Антон посмотрел вверх и увидел большой вращающийся барабан. И снова никого. Похоже, тот рабочий был единственным человеком в здании, наверное, дежурным. С левой стороны узкая лестница вела на маленькую площадку на втором этаже. Оглядевшись внимательней, Антон определил, что крайняя левая дверь ведет в раздевалку. Подошел к ней и тихо открыл.

Едва он сунул нос в помещение, как понял, что рабочий здесь крепко выпивал. Антон уже смело подошел к нему, заглянув в отечное лицо: на вид лет тридцать, проснется не скоро. Он обследовал помещение, нашел душевую комнату, маленькую конторку мастера с приличной ветровкой в шкафу. Прихватив ее с собой, Антон проверил остальные шкафы. В одном из них он нашел старые кроссовки по размеру, в другом майку, а джинсы одолжил в третьем шкафу, хозяин которого мирно спал.

Антон еще раз взгляделся в его лицо и на несколько секунд задумался. Потом решительно достал из его шкафа мыло, полотенце и быстро прошел в душевую. Сняв с себя одежду, он

встал под горячие струи. Почти сразу вслед за этим он услышал звук стукнувшей двери и женский голос.

Закрывать краны было поздно, беглец держал в руке мочалку и молил Бога, чтобы женщина ушла. Он прислонился спиной к прохладному кафелю, чувствуя дрожь в ногах. Вот так же его знобило в тот день, когда он сказал Сереге Малышеву, что когда-нибудь убьет Шляха.

* * *

Малышев расположился у выхода из душевой спортзала и неторопливо затягивался сигаретой. На нем были брюки цвета хаки, синяя майка без рукавов и ободранные кроссовки, обутые на босу ногу. Он курил, наблюдая из-за приоткрытой двери за тем, что происходит в спортзале.

Антон стоял возле умывальника, держа мокрое полотенце на разбитом лице.

– Вот сука! – сквозь зубы процедил он. – За что он меня так, а?

Малышев не ответил, продолжая смотреть в зал. Несколько раз коротко затянувшись, он протянул сигарету Антону:

– На, дерни.

Взяв сигарету, Антон подошел к зеркалу. Правая бровь была сильно разбита, нижняя губа лопнула, из носа тонкой струйкой сочилась кровь.

– Вот гад! – Он снова приложил полотенце к лицу. Антон был одет так же, как и Малышев, майка чернела на груди и спине мокрыми пятнами. – Ты же видел, Серега, я симитировал удар, а он, сволочь, ударил на пронос.

– Видел, – отозвался Малышев. – А еще я видел, как он стучал рукой по ковру, ты не снял удержание – вот и получил за это. А Шлях ждет только одного – когда ты застучишь по ковру.

– А вот это он не видел? – Антон согнул руку в локте. – Если бы он честно работал, тогда другое дело, а он просто хочет унижить меня, добить. Я тебе клянусь, Серега, когда-нибудь я убью его. Предложу ему поработать с ножами и убью.

Малышев скривился.

– По сравнению с ним ты слабак, ножом он работает лучше тебя. Ты эту идею выкинь из головы, а то Шлях уцепится за нее и порежет тебя. Случайно, – добавил он тихо.

– Ну и пусть. Но после этого я застрелю его. – Антон, обжигая пальцы и губы, сделал последнюю затяжку и бросил окурок в раковину. – Кого он там долбит сейчас?

– Прапора Лыкова... Выдохся прапорщик.

Антон подошел к двери и стал смотреть через плечо друга.

В центре зала, тяжело дыша, двигались два человека. Шлях был под два метра ростом, сухопарый, с плоскими, сильными мышцами боксера. Он держал руки внизу живота, делая ими круговые движения. Шлях был чистым правшой. Левая опорная нога чуть согнута, правая постоянно заряжена на удар. Но он мог быстро уйти в сторону, и некоторая примитивность приемов не мешала ему слыть лучшим бойцом части.

Прапорщик Лыков был прямой противоположностью Шляха – кургузый, приземистый, с короткой мощной шеей. Его руки походили на задние ноги кобылы и были такими же сильными.

Шлях держал его на расстоянии, делая резкие выпады ногой – вниз, вверх, в середину туловища, «разбрасывая» Лыкова; все же он боялся прямого удара прапорщика. А тот действовал однообразно, пытаясь вызвать сержанта на обмен ударами и всадить ему под ребра тяжелый кулак; добьет он его потом.

Антон увидел, как Лыков, мотнув корпусом и прижав подбородок к груди, ринулся на Шляха. Тот, стремительно сместившись в сторону, сбоку ударил кулаком в ухо прапорщику, и

тут же, поджав ногу, резко выбросил ее. Удар снова пришелся в голову, и Лыков на мгновение оказался на одном колене.

Да, ногами Шлях работал здорово. Антон помнил тот день, когда их «посвящали» в спецназовцы сразу же после так называемого курса молодого бойца. «Стариков» в зале набралось человек восемьдесят, а их, молодых, пятнадцать: вот так же, как и сейчас – в майках, брюках и кроссовках. «Деда» были в полной экипировке: тяжелые ботинки, руки в перчатках, шлемы с забралами.

Шлях вышел на середину зала, показав рукой на крайнего в шеренге; им оказался Сергей Малышев. Серега резко выдохнул носом и направился к Шляху – тогда тот был еще сержантом. Он выглядел бараном, идущим на бойню. Малышев остановился перед сержантом в двух шагах, не представляя, что делать и как себя вести: то ли сразу напасть, то ли подождать, пока противник проявит инициативу. Шлях сам решил этот вопрос, он скользнул навстречу солдату, и рифленая подошва ботинка врезалась тому в грудь. Малышев отлетел на несколько метров, стукнувшись головой о скамейку. Ударился он несильно, но им овладела злость. Он ощерился и двинулся на сержанта. Тот отступил, давая возможность остальным «старикам» приобщиться к «посвящению». Навстречу Сергею шли сразу два опытных спецназовца... Когда они по несколько раз красиво приложились к нему, вышла очередная пара. Потом еще... Окровавленного Серегу оттащили к скамейке, а Шлях уже вызывал следующего.

Антон Никишин оказался седьмым, у него было время понаблюдать за действиями спецназовцев. Он остановился в четырех шагах от Шляха, расставив руки в стороны, и слегка поклонился, не спуская глаз с сержанта. За пластиковым забралом промелькнула улыбка. Шлях, в свободной стойке подойдя к неподвижному Антону, слегка напружинил ноги, потом сделал короткое приседающее движение и резко крутнулся, вынося ногу на уровне лица. Но в том месте Антона уже не было, он успел заметить, что перед «вертушкой» Шлях всегда коротко и быстро припадает на полусогнутые ноги. Сейчас, после проведения этого удара, сержант стоял к противнику спиной. Антон припал на обе ноги, захватил бедро сержанта и, распрямляя ноги и прогибаясь, оторвал сержанта от пола, переворачивая его в воздухе вверх ногами. Отставив ногу, он бросил противника на пол.

Похоже, в тот момент «деда» не поняли, что произошло, они пришли в себя только тогда, когда Антон, лежа грудью на спине сержанта, провел «узел на оба бедра» – болевой прием на обе ноги. Вот тогда Шлях впервые постучал рукой по полу.

Потом Антон отчаянно сопротивлялся трем спецам, но они довольно быстро одержали верх, пуская в ход тяжелые ботинки; а поставили точку в этом поединке еще три человека.

Потом «молодым» дали хлебнуть водки из шлема и торжественно поздравили. Прошло уже много времени, а Шлях никак не может заставить этого крысеныша сдаться.

– Все, сдох Лыков. – Малышев видел, как Шлях подсек прапорщика и симитировал удар в голову.

– А меня долбанул, – зло бросил Антон.

Малышев потянул его за руку.

– Пойдем, а то он сейчас в душ пойдет, а ты здесь. Еще, чего доброго, драка завяжется.

– Я не буду с ним драться.

– Убьешь? – улыбнулся Сергей.

– Подумаю.

* * *

Юлька Лиханова, сидя перед зеркалом, творила на голове шокирующую прическу, а точнее – претворяла в жизнь свой имидж на сегодняшний вечер. «Только дураки не меняют своих мнений». Вот и Юля в свои семнадцать лет каждый вечер меняла свой образ. Она где-то вычи-

тала, что имидж создается в зависимости от характера и настроения, характер у нее был крутой и постоянный, а настроение сегодня вроде бы ничего. Утром она уронила с полки книгу Гоголя, и та открылась на странице, где речь шла о панночке. Точно, сказала себе Юлька, сегодня я буду панночкой. Она наделала цветных ленточек, некоторые из них вплела в волосы, другие же просто и откровенно привязала на два узла. Посмотрела – здорово, настоящая отвязная «кислотная» прическа. Сегодня все рейверы на дискотеке улетят от ее головы.

Юля взяла ножницы и прорезала в майке две дыры – одну на животе, другую сбоку, потом наклеила на щеку маленькую псевдотатуировку. Не зажигая свет, вошла в туалет проверить: в темноте от татуировки исходило нежно-золотое сияние. Отпад!

Включив свет в коридоре, достала с антресолей отцовский «Шипр». Этот одеколон был ровесником Юльки, обнаружила она его чисто случайно в дальнем углу шифоньера. Когда она понюхала его в первый раз, запах чуть не сшиб девушку с ног. Да, подумала она, это покрепче нашатыря будет. Наодеколонившись, она убрала «Шипр» на антресоли.

Что еще? Юлька подумала и сняла майку. По маленькой груди пошла гусиная кожа. Юлька взяла желтую гуашь, кисточку и написала поперек майки: «106,1 FM». Подумала и добавила – «стерео». Упасть! Вот это гранж!

Она надела майку и села наносить макияж. Вообще-то Юлька знала, как правильно это делать: осветлить круги под глазами, углубление на подбородке, складки между носом и уголками губ и так далее, но вместо этого она навела под глазами огромные синие тени, подкрасила ресницы и нанесла на губы жирный слой «кирпичной» помады.

Вот теперь вроде все. Хотя нет, не забыть культовый журнал «Птюч», он хорошо помогает при нападении: свернешь его в трубочку, и все – можно и сверху бить, и просто пырять в живот. А когда душно, можно им обмахиваться.

Когда Юлька выходила из подъезда, лавка под старухами просела – бабки просто отяжелели, глядя на Юлькин прикид. Ей бы сейчас сигару в зубы, тогда бы старухи точно проломили лавочку.

Девушка, выйдя со двора, пошла вдоль дороги. Мимо нее проехал «мерс» и просигналил.

Она выставила средний палец и перенесла руку за спину. На всякий случай свернула «Птюч» в трубочку. Она органически не переваривала крутых на заморских тачках.

Сзади ее окликнули. Она обернулась. Ее догонял бывший одноклассник Серега Образцов. Он даже не обратил внимания на прикид Юльки, как будто она была совершенно голая. Они обменялись рукопожатиями и пошли в ногу.

Образцов был одет в рваные джинсы, легкую клетчатую куртку и лакированные туфли на высоком каблуке. Он считался заводилой в классе и авторитетом среди пацанов-ровесников во дворе.

– Сегодня держись от меня подальше, – предупредила его Юлька. – Я плавно вошла в одинокий образ.

Образцов не удивился.

– Ладно, нормально, – он полез в широкий карман куртки. – Пиво будешь?

– Баночное?

– Нет, наше, «Жигулевское». – Он сунул горлышко в рот и открыл пробку зубами.

Юлька остановилась, отпила полбутылки, и они двинулись дальше. Обойдя клуб столовой, они зашли с тыла и встали под окнами хозяйственных помещений. Там уже находились четверо парней и две девушки. Они шумно поздоровались. Юлька допила пиво и задрала голову вверх, Образцов свистнул, окно на втором этаже открылось, и из него показалась физиономия другого одноклассника, Ромки Ващенко.

– Давай, – крикнул он.

Образцов, сбегав к кустам, принес длинную доску с часто набитыми поперек рейками. По этой «лестнице», приставленной к стене, Юлька первая поднялась в мужской туалет клуба.

Следом за ней забрался Образцов и компания. Идя на дискотеку, они обычно покупали один билет человек на десять, сегодня билет брал Ромка. Когда втянут остальных, Ромка уприсит местную секьюрити выпустить его на минутку и спрячет доску в кустах.

– Кого еще нет? – спросила Юлька, приоткрывая дверь туалета.

– Симоняна, – ответил Ромка. – Мне кажется, он сегодня не появится.

– Я пошла. – Девушка, улучив момент, шмыгнула в коридор, а оттуда прошла в зал дискотеки.

Рейверы сгруппировались кучками, готовясь к длительному отрыву; диск-жокей пил пиво, укрепляя горло; мастера по свету проверяли прожекторы и световые пушки. Скоро начнется.

* * *

Антон замер под струями душа. Легкие шаги прозвучали совсем рядом с дверью душевой, женщина прошла за шкафы. Потом шаги затихли, послышался ее громкий возмущенный голос:

– Нет, ты только посмотри – эта сволочь уже нажралась! – Антон услышал звук легкой оплеухи и снова голос: – Ты как хочешь, Николай, а я завтра же напишу докладную начальнику цеха. Я надорвалась из-за вас! Вставай, иди засыпай соду.

До Антона донеслось невнятное бормотание рабочего, и он снова услышал шаги. Женщина остановилась перед дверью душевой. У Антона замерло сердце.

– Санек, это ты там? – спросила она.

Антон напрягся и промычал «угу». Таиться было бессмысленно; намылив голову, он подставил ее под теплые струи.

– Вот тебе и «угу». Ты зачем остался, чтобы этого остолопа спить? Так и знай, я на тебя тоже напишу. – Женщина, выматерившись, громко хлопнула дверью.

Антон перевел дух и, прислушиваясь, намылил мочалку.

Снова шаги, неровные, шаркающие. И тот же вопрос, только густым хриплым голосом:

– Сань, это ты там?

– Ага.

– А чего домой не ушел? – Рабочий за дверью издал короткий смешок. – Мы-то с тобой две бутылки выжрали. Я пойду соду засыплю. – Он помолчал. – Ты не сбегаешь за пузырем?

Антон невнятно пробормотал: «Ладно».

Николай постоял еще немного, потом Антон услышал удаляющиеся шаги. Выглянув из душевой, подбежал к двери и запер ее. Наскоро вытершись полотенцем, оделся и открыл шпингалеты окна; в помещение ворвался свежий вечерний воздух. Антон вернулся к двери, открыл замок и выпрыгнул в окно. Торопливо миновав проходную, он перелез через забор в том же месте, где это сделал раньше.

Легкий ветерок быстро высушил короткие волосы, Антона отпустило, он сунул руку в карман ветровки и нащупал сигареты. Вернее, это была только пустая пачка.

Впереди ясно обозначилась яркая улица. Антон различил на углу несколько коммерческих ларьков. Сейчас он проходил мимо большого двухэтажного здания, из окон которого грохотала забойная музыка, а впереди...

Навстречу Антону неторопливо шагал наряд милиции.

Черт!

Поворачивать нельзя, а у них наверняка есть его описание и фотография.

Из короткого ступора его вывел прозвучавший в голове голос капитана Романова: «... и ты мысленно готовишься: боковым взглядом молниеносно оглядываешь проулки, подъезды,

определяешь, проходные они или нет, какой свет светофора горит сейчас на перекрестке, сколько и какие машины стоят рядом...»

Антон колебался считанные мгновения. В спокойном темпе пройдя несколько шагов, он свернул к клубу и направился к застекленным дверям.

Отражение показало ему широкоплечего самоуверенного парня; чуть позже через стекло он увидел двух охранников в полувоенной форме, один из которых напомнил ему Шляху. Толкнув первую дверь, беглец на короткий миг увидел настоящего, пока еще живого прапорщика, державшегося за грудь.

Открывая следующую дверь, он понял, что с того момента, когда направил ствол на живого человека, ни разу не задумывался, страшно ему было тогда или нет. Очень скоро его спросят об этом: страшно убивать? Он долго будет молчать и ответит: «Очень...»

Войдя в холл и кивнув охранникам у двери, он повернул направо. Один из охранников окликнул его.

– Касса в другой стороне.

Антон досадливо махнул рукой и развернулся.

– Тороплюсь, – пояснил он охраннику.

– Оно понятно, – ухмыльнулся тот.

На втором этаже Антон, протянув билет двухметровому контролеру, шагнул в грохочущий зал дискотеки. В глаза ударил рысущий свет ультрафиолетового прожектора, уши слегка заложило, в грудь врезались басы мощных колонок. Молодежь в зале отрывалась под тяжелый рейв, звучала композиция группы ERECTOR «Pump Up The Base». Привыкая к забытой уже атмосфере дискотеки, Антон стоял на месте и моргал в такт напалм-рейва.

Юлька заметила его сразу. Она танцевала одна – не расхлябанно, как почти все, а коротко подергивая телом. Поймав глазами в проходе высокую незнакомую фигуру, она повернулась в ту сторону, продолжая ритмично двигаться, и ждала, когда незнакомец приблизится. Кроме майки, на ней были белые лосины, поверх них короткие джинсовые шорты с наполовину расстегнутой «молнией». Девушка не мигая смотрела на Антона, голова ее подергивалась, подбрасывая длинные волосы с разноцветными лентами.

Антон, поймав ее взгляд, медленно пошел навстречу. Юлька взяла его за руку, положила его горячую ладонь себе на талию. Другой рукой она притянула его за голову и громко крикнула в ухо:

– Привет! Я тебя знаю?

Антон, улыбнувшись, пожал плечами. Ритмичные рейв-движения девушки передались ему, танцевал он хорошо.

– Не знаешь? – спросила Юлька, продолжая держать его за шею. – Меня зовут Джю-юлия. А тебя?... Для начала ты можешь просто открыть рот.

Поколебавшись, он решил назваться своим именем.

– Антон, – громко сказал он, наклоняя голову.

Юлька взвизгнула, изображая на лице экстаз.

– Антошка! Пойдем копать картошку! А ты что, один пришел оттопыриваться?

– Да.

– А почему в таком прикиде? – Она оттянула его за майку. – У тебя «кислотных» тряпок нет, что ли?

– Есть, просто некогда было переодеться.

Юлька одобрила его манеру танца и отпустила руки.

– Молодец! Давай, расширяй амплитуду.

Казалось, что она совсем не мигала, ее черные глаза бесцеремонно жгли Антона. Она стала двигаться более широко, делая руками «космические» движения. Антон принял ее предложение, стараясь быть раскованным, и уже через минуту они полностью вписались в беснуую

щуюся толпу рейверов, обстреливаемую световыми пушками. Юлька, прикусив нижнюю губу, замотала головой, этот парень ей явно нравился. Она снова притянула его за шею.

– Ты здесь не часто клубишься, раньше я тебя не видела. Ты где обычно отрываешься?

Антон сказал первое, что пришло в голову:

– В политехе.

– У-у, как это запущено... Настоящие парни учатся в СГАУ.

– Я не учусь, просто хожу туда на дискотеки.

– Там не отрываются под «кислоту». А где живешь? Я на «Шарах».

– Я тоже.

Юлька ритмично покачала кулаком перед его носом.

– Я на «Шарах» всех знаю. Не хочешь говорить, не надо. А ты хорошо танцуешь, мне нравится.

Антон кивнул. С минуту они танцевали молча.

– А ты учишься? – спросил он, улыбаясь.

– Можно сказать, нет, провалила вступительный по физике.

– А куда поступала? Юлька недовольно сморщила нос, отвечать не хотелось, но она не так давно взяла себе за правило говорить всегда только правду. Хотя до десятого класса только и делала, что врала учителям и родителям. А поступала она в политех потому, что шансов поступить в другой университет у нее не было, училась она не очень. В политехническом конкурсе практически отсутствовал, нужно было только сдать экзамены на тройки, и все. Когда пацаны из класса узнали, куда Юля подала заявление, они дружно заржали, напомнив ей старый самарский анекдот: «Идут две красивые девушки, и обе – из политеха». Вот тут надо было смеяться, потому что в Самаре давно сложилось мнение, что в политехническом не может быть красивых девушек: заумный университет, заумные студенты, а попробуй найди хоть одного заумного с нормальной внешностью. Юлька же была очень даже ничего. Но все это «ничего» могло внезапно закончиться, потому что она стала бы одной из тех «красивых». Это был комплекс, и она похоронила его, поставив вместо надгробия двойку по физике.

– В политех, – она сдвинула брови, внимательно заглядывая в глаза Антона. – Даже документы не забрала.

Музыка внезапно смолкла, рейверы дико заорали, дружно хлопая друг друга открытыми ладонями. Юлька подставила свою, Антон, улыбаясь, звонко шлепнул по ней.

– Не боишься один ходить на дискотеки? – спросила она, поглядывая в сторону знакомых парней, неторопливой походкой приближающихся к ним.

Антон покачал головой. Юлька взяла его за руку.

– Тут обычно кучкуются, но ты не бойся, отмажемся.

Парень с мелированной челкой остановился в двух шагах от Антона и небрежно оглядел его.

– Прикид от «Камдена»², – насмешливо заметил он. – Ты откуда?

– Из джунглей. – Один из парней громко заржал, показывая пальцем на Антона.

Юлька не дала своему новому знакомому ответить. Она посмотрела на парня с челкой и, подражая его насмешливому тону, осадила:

– Не надо, Образ, это я его пригласила.

– А он без переводчика не может говорить?

– Не может, я запретила ему разговаривать с вислоухими.

Сергей Образцов по кличке Образ пропустил слова Юльки мимо ушей. Он продолжал сверлить Антона взглядом.

² »Камден« – рынок в Лондоне, которым пользуются богемные и неформальные слои молодежи.

– Ты откуда? – переспросил он. За его спиной стояли еще три парня, придавшие своим лицам ленивое выражение, но кулаки у всех были крепко сжаты. Самоуверенным и спокойным выглядел только Образцов.

– Из политеха, – снова встряла Юлька. – Он помогал мне готовиться к экзаменам.

– Интересно, чем он тебе помогал, если ты завалилась, – вступил в разговор другой парень.

– Слушай, Примус, не хамя, а?

Ди-джей к этому времени начал «вскрывать танцпол» – заводить рейверов для следующего танца. Проорав в микрофон: «Шевелите своими задницами», явно в подражание «Скутеру», он поставил очередной транс, и пол дискотеки вздрогнул.

Образ с друзьями, косясь на секьюрити у входа, взяли Юльку с Антоном в кольцо. Дергаясь под транс, Образ внезапно выбросил руку вперед, целясь Антону в солнечное сплетение. Никишин был готов к любым неожиданностям. Образ во время удара напирал и держал ноги не очень широко. Антон чуть подался назад, захватил рукав его куртки сверху и под плечом, слегка толкнул, сбивая равновесие, и рванул за руку вниз и назад. Одновременно другой рукой он потянул его вверх и на себя, отклоняясь и поворачиваясь в направлении рывка. Пока Образ падал на пол, Антон выбросил ногу назад, сбив с ног еще одного парня, и повернулся к остальным вполоборота.

Тот, что был ближе, сместился вправо, не очень удачно скрестив при движении ноги, ставя левую позади правой. Антон поймал его на движении правой ноги и подсек ее левой стопой. Парень, развернувшись, упал лицом на пол.

Ромка Ващенко стоял не шелохнувшись. Антон, посылая ближнюю ногу ему на грудь, а дальнюю расположив позади его ног, увлек Ромку на себя и, сделав «ножницы», бросил его на пол.

Издали было похоже, что парни танцуют то верхний, то нижний рэп, высоко вскидывая ноги, поэтому молодые охранники, реагирующие только на откровенный мордобой, даже не посмотрели в их сторону. Они знали, что такое карате, вьет-вон-дау, джет-кун-до, но, наверное, не имели понятия, что существует такая борьба, как самбо.

Юлька, открыв рот, во все глаза смотрела на Антона. Он стоял спокойный и уверенный в себе, даже дыхание не было учащенным.

Образ оказался на ногах быстрее остальных. Оглядев лежащих на полу товарищей, неожиданно рассмеялся: он впервые участвовал в драке, где никто ни разу не получил кулаком по морде. Он протянул руку:

– Сергей.

Антон пожал крепкую ладонь парня и представился.

Юлька оттерла Образцова от Антона, небрежно бросив:

– Ну что, знакомство состоялось? Если да, то... – она сделала широкий жест рукой.

Образ с друзьями отошли, а она приблизила свои губы к уху Антона:

– Короче, я в шоке.

ТАГАНРОГ

Капитан Андрей Кирсанов поднялся на шестой этаж и позвонил в квартиру № 85. Ему открыл парень лет двадцати пяти. Рядом с ним, ухватившись за его штанину, стоял четырехлетний мальчишка; он смешно вытягивал губы и совершенно круглыми глазами смотрел на незнакомого человека. Позади Кирсанова выросла фигура участкового и опера-лейтенанта.

Кирсанов, подмигнув малышу, вытащил из кармана удостоверение ФСБ и показал его хозяину квартиры.

– Можно пройти?

– Можно. – Парень явно растерялся. Подняв сына на руки, посторонился. – А в чем, собственно, дело?

– Как вас зовут? – спросил Кирсанов.

– Виктор. Акулов.

– А отчество?

– Иванович.

– У нас к вам просьба, Виктор Иванович, нам нужно воспользоваться вашей ванной.

– Ванной?!

Кирсанов кивнул, протянув руку малышу:

– А тебя как зовут?

Тот отвернулся, вцепившись в отца.

– Не хочешь говорить? А кораблики ты любишь пускать? – Капитан, щелкнув выключателем, вошел в ванную комнату. Подозвал участкового, и они вместе стали выносить стиральную машину.

– Э! Э! – Акулов тоже округлил глаза. – Вы чего делаете?

– Все нормально, Виктор Иванович. – Кирсанов вынес ведро, вытащил из-под ванной стиральный порошок, убрал веник и половую тряпку. После этого он открыл оба крана, направив воду на пол. – Вы еще ни разу не затопляли своего соседа снизу?

– Я что-то ничего не пойму... Зачем вы это делаете? Вы вообще имеете на это право?

– Наверное, следует сказать «да».

Вода быстро залила пол и стала подниматься. Когда она достигла порога ванной комнаты, Кирсанов убавил напор. Уровень воды стал вровень с порогом.

– Мелеет, Андрей Васильевич, – участковый указал за порог.

– Да, быстро уходит. – Капитан открыл краны побольше. – Все, идите. – Вытащив рацию, он отдал распоряжение: – Группе захвата приготовиться... А вам, – он посмотрел на Акулова, – лучше пройти в комнату.

Тот быстро скрылся.

Вода стала уходить еще быстрее, Кирсанов снова повернул кран: в нижней квартире с потолка вода должна литься ручьем.

Капитан открыл входную дверь и стал ждать у порога.

На двух пролетах пятого и третьего этажей стояли спецназовцы в черных масках, с короткими автоматами. Можно было, конечно, действовать проще – позвонить в дверь Албакову, но чем черт не шутит. Кирсанов не исключал того, что если Албаков действительно связан с НВФ – а дело представляется весьма серьезным, – то он мог запросто пустить себе пулю в лоб. И хотя вероятность подобных действий со стороны чеченца была ничтожной, рисковать не хотелось.

Кирсанов посмотрел на часы: вода льет уже пятнадцать минут, Албаков в квартире, это точно, следовательно, уже должен появиться.

Внизу лязгнула железом дверь. «Поехали», – сказал в рацию Кирсанов. Спецы сверху и снизу грузно ломанулись к квартире Албакова.

Когда Кирсанов спустился, чеченец лежал на площадке лицом вниз с широко раскинутыми ногами, на вывернутых за спину руках блестели наручники. Рядом стояли четыре спецназовца, остальные уже были в квартире.

– В машину, – кивнув на лежащего, Кирсанов прошел в квартиру.

В комнате на диване сидела кавказского вида женщина с отсутствующим взглядом.

– Вам придется проехать с нами, – сообщил ей капитан. – Если у вас есть документы, возьмите их с собой.

Оставив в квартире лейтенанта и четырех спецназовцев, Кирсанов спустился к машине.

– Поехали.

Через два часа подполковник Рябов читал стенограмму допроса, сброшенную Кирсановым по факсу. Допрос Албакова проходил в кабинете старшего следователя городского управления ФСБ Таганрога. Руководитель следственной группы, бегло просмотрев первые вопросы, принялся читать более внимательно.

Албаков: – Какой Чапаевск, а? Никогда не был.

Кирсанов: – Да? А в Закаталы тоже не был?

Вопрос Кирсанова был понятен Рябову: пока шла работа о причастности Албакова и Мараева к НВФ, Кирсанов просто давил на Албакова, назвав место в Азербайджане, где находится один из чеченских лагерей.

– Какие Закаталы, командир?! Не был!

– Как какие? Которые в Азербайджане.

– Какой Азербайджан, а?

– И Антона Никишина тоже не знаешь?

– Нет, не знаю такого человека.

– Ну как же так? Он вам с Мараевым в Чапаевске взрывчатку передал. Неужели забыл?

– ...Плохо... Если русским в Чечне плохо, почему чеченцам в России тоже должно быть плохо? Русские там не воюют, почему ты хочешь, чтобы мы здесь взяли за оружие? Я еще ни разу ни в кого не выстрелил.

– Но деньги давал?

– Деньги давал. А ты бы не дал? Если бы твоему брату было плохо, ты бы не дал ему денег?

– Смотря на что. Вот если бы у него нечего было кушать...

– А-а... Моим братьям тоже нечего кушать. Я всю жизнь живу в этом городе, попросят меня, все отдам, еще заработаю.

– Ты был в Самаре?

– Много раз.

– Где останавливался?

– В гостиницах.

– Какие гостиницы, можешь назвать?

– Несколько раз жил в «Волге», но там дорого. В основном в «Октябрьской».

– Мараев вместе с тобой ездил?

– Да, одному никак нельзя, город большой, деньги немалые.

– А какие дела у тебя там были?

– Так, купи-продай... Вино «КамАЗами» возили, чай.

– А знакомые администраторы у тебя есть в «Октябрьской»?

– Как нет? Без этого нельзя.

– Фамилию можешь назвать?

– Не хочу подводить человека. Ты сразу на него наручники наденешь.

– Есть за что?

– А мне есть за что? Моей жене есть за что? Ты про мою жену-чеченку не думаешь, а я про свою знакомую русскую не забываю. Вот в этом у нас с тобой отличие.

– Ну хорошо, а помочь ты нам хочешь?

– Нет, командир, не хочу.

– А себе?

– Не надо... Веди меня в камеру, я больше ничего не скажу.

* * *

Они шли по темной улице, Юлька висела на руке Антона. Мимо них, тревожа чугунные крышки канализационных колодцев, проносились машины. После рева дискотеки улица казалась тихой и уютной. Пройдя стадион, Юлька вытянула вперед руку.

– Вот и «Шары».

– Это район так называется?

– Ага. Если пройти еще немного, можно увидеть Волгу. Антон, скажи честно, ты ведь не местный? У тебя выговор не самарский, жесткий. Откуда ты приехал?

– Из Москвы.

– О-о! – девушка многозначительно покивала головой. – У нас москвичей не любят. Ты спортсмен?

– В какой-то степени.

– А ты ни в какой группировке не состоишь? Скажу сразу, что я ребяташек из бригад не перевариваю.

– Не состою.

– Честно?

– Честно.

– Докажи.

Антон на секунду замялся.

– Ну, хорошо. Ты видела, чтобы кто-то из них ходил на дискотеки?

– Нет, хотя я и не видела, чтобы вот так дрались, как ты. У тебя здорово получается, профессионально, как в кино.

– Не только бандиты умеют хорошо драться, и не все спортсмены бандиты.

– Ты надолго приехал в Самару?

– Не знаю... Дело в том, что я только сегодня приехал, вернее, вчера, и даже не знаю, где буду ночевать.

Юлька, остановившись, покачала головой.

– Ты ищешь предлог, чтобы переспать со мной?

Антон смутился.

– Честное слово, нет. Мне действительно негде ночевать.

– Да? Интересно... А где твои вещи? Не в таком же виде ты приехал. Где они, в камере хранения?

– У меня нет вещей, я приехал так.

– Гони, гони. – Юлька немного помолчала. – Если ты действительно ищешь причину, то не надо: «Я женщина, ты мужчина, если надо причину, то это причина».

Антон пребывал в какой-то растерянности. Юлька была ультрасовременной девушкой, без каких-либо комплексов, она казалась ему намного старше, будто ей было не семнадцать лет, а все сорок. Обняв ее за плечи, он притянул к себе.

– Юля, – зашептал он, вдыхая терпкий аромат странных духов девушки, – ты мне нравишься, я не хочу, чтобы ты решила, что... ну, что я просто не упускаю возможность...

Она слегка отстранилась, заглянув ему в глаза.

– Знаешь, что я подумала, Антон? Что ты или старомодный какой-то, как «Шипр», или тебе действительно негде ночевать. Тебе незачем беспокоиться об этом, сейчас мы идем ко мне домой.

– А родители?

– Родки активно отдыхают, у них хобби такое – на байдарках по Волге. Приплывут только через две недели. У тебя есть деньги?

- Есть.
- Купи что-нибудь выпить. Только не забугорное.
- Проходи, – скинув тяжелую обувь на платформе, Юлька надела тапочки. Показала на отцовские шлепанцы: – Возьми.
- А можно, я сначала пройду в ванную?
- Ты спрашиваешь у меня разрешения?!
- Ну да.
- Прикинь, я в шоке.

6

МОСКВА

Григорий Дробов, набив трубку душистым табаком, не спеша раскурил. Позади него на стене висел портрет Сталина в фуражке с красным козырьком; глаза у Сталина были добрые, слегка усталые, морщинки разбежались с уголков глаз – вождь улыбался с портрета. Примерно час назад Дробов, указав рукой на отца народов, веско сказал: «Вот в этом была ошибка Сталина, он был чересчур добр».

Перед ним сидела молодая журналистка, часто кивающая головой, то ли все время соглашаясь с лидером движения «Красные массы», то ли открыто показывая ему: давай, давай, мне все равно, лишь бы репортаж получился. Лицо у Светланы Рогожиной было абсолютно непроницаемо. Дробова это устраивало, тем более что предыдущие журналисты, которым он давал интервью, не скрывали на своих лицах и в вопросах явного недоумения. Они больше качали головами, а эта кивала, те переделывали интервью во что-то похожее на фельетоны, а эта?..

– Да, Сталин был добр, – говорил Дробов, – и слишком справедлив. Он не знал меры в доброте и, может быть, поэтому остался жив один выродок-гермафродит, который изнасиловал сам себя и возродил полчища гнуса. Рождение произошло без святости, без трепетности двух тел, это было грязное совокупление одного непристойного тела.

– В духовном смысле это определение можно принять, – заметила Рогожина, поймав свое искаженное отражение на поверхности глянцевого, с тонкой гравировкой глобуса: нахмуренный лоб, сосредоточенный взгляд.

– Ваше замечание неуместно, – сказал Дробов, – потому что я только что говорил об отсутствии в момент зачатия святости и трепетности. Нельзя понять это, если рассуждать с позиции духовности. Попробуйте уничтожить человека только духовно, и вы получите монстра; пройдет совсем немного времени, и вы будете вынуждены уничтожить его физически. Вы поймете свою ошибку, но зачем тянуть?

Рогожина не пожала плечами, она снова кивнула. В беседе с Дробовым – особенно когда тот задавал неожиданные, нестандартные вопросы, ей не удавалось использовать обычный в таких случаях прием: задать ответный вопрос, направить разговор в определенное русло, чтобы интервьюируемый стал просто респондентом и не перехватывал инициативу. С самого начала беседы инициатива была в руках Дробова, он философствовал, умело использовал цитаты, дважды вспомнил древних мыслителей. Разговор пошел по кривой, и даже не очень опытная Светлана, прежде чем задать очередной вопрос, почувствовала, что так даже лучше. Интервью получалось необычным.

– Давайте вернемся к вашему «духовному отцу», Сталину. Ведь давно доказано, что Сталин был параноиком...

– А кто это доказал? – На лице Дробова промелькнула улыбка. Быстро согнав ее, снова задал вопрос: – Кстати, вы читали новую книгу Радзинского о Сталине?

– Я... да. – Рогожина замешкалась, книгу она не читала, хотя передачи Эдварда Радзинского о вожде смотрела. – А вы тоже читали?

– С большим интересом. Радзинский очень точно определил, что Сталин не был ни безумцем, ни маньяком, ни, как вы говорите, параноиком. Сталин был «то, что надо», он был нужен нам всем. И сейчас его не хватает. Он не убивал друзей, он приносил их в жертву идее, он был близок к ней, но его подвела, а точнее, сгубила мягкость.

– Более точно это можно определить одним словом – «чистка».

– Какая разница? Давайте назовем это чисткой. Вот если бы он успел почистить евреев, его империя осталась бы навечно.

– У вас патологический подход к этому вопросу.

– Я так не считаю; я, например, не испытываю эротического сладострастия, когда читаю откровения палачей. «Палач и жертва знают одно, в этом они равны».

– Здесь, в вашем кабинете, более приемлема множественная форма: палач и жертвы.

На это замечание Дробов мог отозваться также нестандартно, а он выразился, как вначале показалось Светлане, заученно, но без поспешности.

– Да, сверхчеловек и недочеловеки.

– Страшная мораль, – тихо заметила журналистка.

– Мораль без страха не смотрится. Нет цели без морали, цель оправдывает средства, отвергая метод, и победителей не судят.

– Куда же делась мораль в вашей последней фразе? Где она?

– В страхе.

Рогожина вернулась на прежние позиции.

– А вы в какой-то мере осуждаете Сталина, взять хотя бы ваши слова о его мягкости.

– Осуждаю, потому что он не победил. Я знаю, как продолжить борьбу, как стать победителем. Нам мало зон с колючими проволоками, нам нужна одна, единая зона с колючей проволокой по всей границе. Замкнуть кольцо, давить белорусов-евреев, казахов-русских, украинцев-узбеков. Нам не нужна помощь извне, нам не нужны канадские продукты, американские технологии, японские и корейские машины; лондонские и парижские клубы – это не наше, не русское. Нам нужна твердая рука, способная держать пистолет и лопату. Пистолет и лопату. Я предвосхищу ваш вопрос и скажу, что земли на всех хватит.

– Чисто сталинский подход к проблеме.

Странно, думала Светлана, то, о чем он говорит, должно звучать пусть не с апломбом или пафосом, но с долей определенной позы. А собеседник говорит абсолютно ровно, в глазах нет и искорки фанатизма.

И снова Дробов не ответил, а подхватил:

– Не только у меня. Вспомните, как Президент разделался с предыдущим министром обороны. Он задолго начал готовить удар – вывел из-под министра начальника Генштаба, показал, правда, издали, министерский портфель командующему округом и отправил министра обороны в бестолковое турне по Японии и США. После вояжа министр с позором был изгнан. Не так ли убрал Хрущев товарища Жукова? Это наследие, только без расстрелов, и убрал Президент человека, который, по сути дела, имел хибару, а поставил на его место другого – с трехэтажной дачей и бомбоубежищем на случай атомной войны. Президент хорошо подготовился к этому акту, он привел в повышенную боевую готовность спецчасти МВД, и его охрана блокировала здание Минобороны. Президент боится генералов и никому из них не доверяет. Я сам генерал в отставке, вы уж поверьте мне.

– Вы хотите сказать, что у Президента, Верховного Главнокомандующего, нет преданных людей в армии?

– Преданность и предательство ходят рука об руку. «Предательство – вопрос времени» – это в свое время сказал кардинал Ришелье.

«Третья сбивка на великих», – посчитала Рогожина.

– В вашей программе присутствуют коммунистические идеалы? – спросила она, зная, что один из следующих вопросов будет напрямую касаться фашизма.

– Коммунистических идеалов не существует, это нонсенс. В компартии тон задают не рядовые члены, а столоничальники. Демократы – это сборище амбициозных партий и движений. Остальные якобы имеют какую-то программу выхода из кризиса. Хотя и у коммунистов, и у демократов тоже есть подобные программы. Но ни у одной из партий нет программы режима.

– У вас есть кумир, кроме Сталина?

– Муамар Каддафи. Он построил хорошее общество...

– ...основой которого является террор.

– Я повторюсь: для достижения цели все средства хороши. – У фашистов было что-то похожее. – Голос Рогожиной прозвучал не совсем уверенно. Может, эта фраза была не к месту, но тема разговора приняла другой оттенок – коричневый. И не пришлось задавать вопрос, касающийся фашизма, как она хотела сделать минуту назад. Посчитав себя очень ловкой, Светлана слегка покраснела.

– Мы не фашисты, новых фашистов создала существующая власть, которая до сих пор бредит коммунистическими стереотипами. В их понятии нет более серьезного врага, чем фашист, и они создали своих «коричневых». – Дробов сделал паузу. – Чтобы бороться с ними.

– Зачем это нужно существующей власти?

– Чтобы отвлечь внимание. Потому что все провалено, нет прогресса ни в одной области, только спад. Как только возникают где-то справедливые волнения, тут же по телевизору показывают «коричневых», «красно-коричневых» и разгул чеченских банд. А поскольку у нас всегда все плохо, то их показывают постоянно. Понимаете, в чем состоит преступление существующей власти? Она не принимает никаких мер. «Неприятие мер – больший проступок, чем ошибка, допущенная при их проведении».

«Кто же это сказал?» – подумала Рогожина. Однако так и не вспомнила. Фраза была вроде бы знакомая, и в то же время нет. Дробов помог, видя ее легкое замешательство.

– Герман Геринг, – сообщил он.

Вот так: от кардинала Ришелье до Геринга и Сталина; начиная почти что с фронды и заканчивая движениями наци на рубеже XXI века. Совершенно непонятный человек.

Листок с примерными вопросами был в начале нового блокнота; Светлана, машинально взглянув на него, добавила к одному из них «все же».

– Все же, к чему вы стремитесь? – спросила она.

– К мононациональному государству. В какой-то мере я согласен с международным правом, где ясно указывается, что мононациональное государство может считаться таковым, если население указанной нации составляет свыше шестидесяти процентов от общего количества.

– Насколько мне известно, русские в России составляют больше восьмидесяти процентов.

– Да, это верно, но в правительстве и других властных структурах русских фактически нет. Вернее, их очень мало. Поэтому по отношению к русским в стране осуществляется апартеид. Помните массовое избиение народа возле Останкинской башни и у могилы Неизвестного солдата? В тот день люди, заплатившие кровью в Великой Отечественной, пришли возложить цветы и подняли над головами очень справедливые лозунги: «Русскому государству – русское правительство». Это было 22 июня 1992 года. Хорошая дата для избиения ветеранов войны. Тем более что санкционированный пикет избивали не только омововцы, но и бетаровцы – бойцы сионистских вооруженных формирований. А через полтора месяца по первой программе было показано ритуальное убийство свиньи в художественной галерее «Реджин-арт». Чернобородые иудеи расчленили свинью, раздали кровавые куски участникам ритуала и на всю страну, картавя, сообщили: «Свинья – это образ России с ее комплексами – их нельзя разрешить, можно только разрубить». Каково, а? А что касается Сталина, то его портрет висит в моем кабинете только для того, чтобы я всегда помнил, как опасно быть кротким.

«Наверное, – подумала Рогожина, – понять такого человека с его противоречивыми взглядами невозможно. Да и бессмысленно». Подходил к концу второй час их беседы.

– Скажите напоследок несколько тезисов из вашей программы.

– Тезис один – режим. Русское – русским, остальным по заслугам.

– А что будет с евреем-россиянином?

– Эту породу, как и другие, мы выведем, она не должна существовать.

Последний вопрос, решила Рогожина, и нужно заканчивать.

– И как это будет выглядеть?

– Когда советская власть делала первые шаги, раввинов выгоняли из синагог и расстреливали сами евреи. Православные церкви рушили русские, и попов убивали они же. Степи принадлежали мусульманам, они рубились между собой на кривых саблях. Но Сталин придумал очень хорошую штуку, и с начала его правления грузин расстреливали русские, евреев – грузины, а в русских стреляли евреи. Здорово, правда? И брат не идет на брата.

Это был последний ответ лидера движения «Красные массы» Григория Дробова корреспондентке газеты «Перспектива Независимости» Светлане Рогожиной.

Когда она уходила, Дробов спросил:

– Скоро у нас будет выходить собственная газета. Не хотите поработать со мной?

Светлана растерялась. Неторопливо, поправив очки на носу, она пожала плечами: «Не знаю».

– Если что, приходите, – улыбнулся Дробов.

...»Брат не идет на брата...» Генерал, откинувшись в мягком кресле, запрокинул голову: сверху на него смотрел Иосиф Виссарионович. Глаза у вождя находились внизу, на месте рта, а улыбочивый рот переместился наверх. Сталин казался обезглавленным, отрубленную голову перевернули и положили в фуражку, околышек от крови сделался красным.

«И брат не идет на брата» – это был подпункт основного тезиса политического движения «Красные массы».

7

САМАРА

Юлька проснулась в семь часов утра. Спать пришлось мало, но она чувствовала себя отдохнувшей. Она посмотрела на Антона и улыбнулась, захотелось поцеловать его. Правда, это выглядело бы как-то по-семейному, а ей пока не хотелось даже ощущения семейной жизни. Все же она представила, что Антон ее муж. И что? Что вот сейчас она должна сделать? Конечно, поцеловать. Вздыхнув, она наклонилась над ним и поцеловала. Антон во сне повернул голову.

Ну вот, начинается, он уже отворачивается. Что еще – встать и сварить щи? Развонять капустой по всей квартире? Потом положить ему ладонь на грудь и мурлыкнуть: «Дорогой, щи готовы». Фу, мерзость! Лучше пожарить картошки со шкварками и сбежать в магазин за соленой селедкой: «Дорогой, вставай...» Да пошел он к черту – будить его, сам встанет. А если он опаздывает на работу? Значит, плохая работа, если на нее можно опоздать. «Дорогой, вставай, тебе пора увольняться».

Юльке надоела семейная жизнь, и она поднялась с кровати. Направляясь в ванную, она ткнула коленом в телевизор. Кнопка нырнула в гнездо, но телевизор не включился. Чтобы повторить, нужно было нажать на вторую кнопку – «выкл», которая вынесет на место другую – «вкл». Телевизор был старенький, «Радуга» семьсот с чем-то, тем не менее показывал хорошо, года два назад в нем сменили кинескоп. Юлька терпеливо проделала сложную манипуляцию. Заглянув в вентиляционные щели задней панели телевизора, она увидела, что лампы засветились – не пройдет и минуты, как на экране появится изображение.

Юлька хотела посмотреть утреннюю развлекалку «Доброе утро» по первой программе. Наверняка покажут новый клип, сообщат какие-нибудь улетные новости, изобразят на ком-нибудь супермодный макияж, расскажут, как дела на орбите.

Она прошла в ванную и оглядела себя в зеркале – синяков нет, хотя таковые должны быть, ночью ей показалось, что она попала в объятия медведя. Он только что не ревел, Юльке в определенные моменты казалось, что ее расчлениют. После отрыва на дискотеке Антон отрывался с ней в кровати. Такой бурной ночи у нее еще не было, это был постельный рейв – как и положено, до трехсот ударов в минуту. Складывалось впечатление, что у парня давно не было женщины, его объятия казались грубоватыми, хотя в нем не чувствовалось неистовости или показухи, и даже не было секса в ее понимании этого слова, он любил ее этой ночью, забыв все слова, кроме одного – ее имени. И ей чудилось, что это не она, что ее зовут по-другому; и уж совсем странным было то, что он оказался нежным. Под его горячее дыхание Юлька тихо и беззвучно «улетала»...

Она вспомнила свой первый секс с парнем из десятого класса, когда сама она училась в девятом. Сейчас ей стало стыдно, щеки внезапно вспыхнули. Его звали Игорем, он постоянно прерывался, монотонно бормоча: «Давай вот так. Хочешь так?» Она отвечала: «Да». – «А вот так?..» Через некоторое время ей не хотелось уже никак. А на следующий день на второй перемене, похоже, уже вся школа знала, как она с Игорем вот так и вот эдак. Юлька, сгорая со стыда, убежала домой и неделю не ходила в школу.

Как ни странно, подруги даже ни разу не зашли к ней за это время. Приходил Сергей Образцов и ребята из класса, но она не открывала им дверь. Через неделю придя в школу, она нарисовала на тетрадном листке плечистого голого мужика, между ног поставила крохотную запятую и подвела к ней стрелку с надписью: «Писька Игоря». На это произведение, которое Юлька повесила на доску для объявлений, приходила смотреть вся школа. Первоклассники-мальчишки ходили гордые: «У меня и то больше», – говорил каждый из них.

Встретив ее в коридоре, Игорь ударил кулаком по лицу. Образцов с пацанами затащили его в мужской туалет и долго говорили с ним. Игорь выполз оттуда на четвереньках, с лицом, похожим на маску Фантомаса. После уроков была грандиозная драка, победил 9-й «Б».

Юлька как-то внезапно стала взрослой. После педсовета, придя домой, отец, весь бледный, сжав кулаки, спросил:

– Он изнасиловал тебя?

Юлька с тех пор решила говорить только правду.

– Я сама ему дала, – дерзко ответила она. Мать хлопнула ее по щеке и две недели не разговаривала с ней.

Тогда к ним в гости повадилась бабушка Юльки, она привозила пирожки и суетливо хлопотала вокруг нее.

– Бабушка, – Юлька поцеловала ее, – мне не нужна отдушина, я хорошо себя чувствую. Понимаешь, я уже взрослая.

И бабушка поняла ее, сказав изумительно мудрую фразу:

– Ну и слава тебе, Господи.

...Юлька сполоснулась под душем, стараясь не намочить волосы, и, накинув халат, вошла в комнату. Надевая белье, она смотрела телевизор. Какой-то седовласый человек, которого ведущая представила как эксперта и психолога, сосредоточенно и нравоучительно диктовал с экрана:

«Человек на грани срыва, когда он вдруг стал замкнутым, нервным, озлобленным. Если он рассказывает о ночных кошмарах и галлюцинациях, глотает иголки и пытается вскрыть вены...»

– Хорош балаболить, – скривилась Юлька.

Она легла рядом с Антоном поверх одеяла. Тот спал крепко, как после недельного бодрствования, только веки нервно подрагивали. Она более внимательно осмотрела его лицо с резкими чертами и мужественным шрамом над правой бровью, задержала взгляд на чуть припухших губах, розовых и слегка высохших. Юлька облизнула мизинец и провела по ним. Антон словно почувствовал ее во сне, его губы слегка приоткрылись, и Юльке снова захотелось в его объятия. Желание волной накатило на нее, раньше с ней такого не было, но надоедливый мужик с экрана начал отчаянно мешать.

«...перестал писать письма домой, получил известие об измене любимой девушки...»

– Заткнись, – еле слышно прошептала девушка, проведя кончиком языка по губам Антона. Она положила ладонь на горячее плечо и вытянулась вдоль его тела, чувствуя его даже через толщу одеяла. В ней начало зарождаться нетерпение, рука, лежащая на плече Антона, возбужденно подрагивала, тело заныло, Юля, выгнувшись, искала другой рукой край одеяла.

«...уходит в «самоволки» и не выполняет приказы...»

– Антон... – Юлька высвободила из-под себя одеяло, толкая его ногами к краю кровати. Нога запуталась в разрезе пододеяльника, опутывая ее ступню. Продолжая обнимать Антона за плечо, она подтянула ногу и освободила ее. Спихнув одеяло на пол, Юлька прижалась к Антону.

«...такой человек на грани срыва, ему нельзя доверять оружие, ему нужна срочная психологическая помощь...»

– Антон... – Она снова провела языком по его губам. Ей хотелось разбудить его, и в то же время его пассивное состояние кружило ей голову, он спал, даже не чувствуя, что рядом, прижавшись к нему, трепетало возбужденное тело.

«...душевнобольные люди, я бы сказал, с явными маниакальными выражениями...»

Юлька переложила безвольную руку Антона себе на бедро и еще крепче прижалась к нему, до боли стиснув ноги. Ее грудь горела, она приоткрыла рот, почувствовав, что проваливается куда-то.

«Только не просыпайся...»

Антон тихо сопел носом, а веки продолжали нервно подергиваться.

«Я еще раз повторяю: ему нужна срочная психологическая помощь».

Через минуту дыхание Юли пришло в норму, она убрала с бедра руку Антона, заметив, что ее руки продолжают подрагивать. Была какая-то невидимая гармония, стройная и совершенная связь между ней и Антоном. Ушел куда-то возраст – 17 лет ее и 20 его; кажется, природа завершила свою работу.

И снова противный голос «психа» из телевизора:

«...похожий случай, который произошел совсем недавно... убив товарищей, ворвался в квартиру офицера, убил его...»

Юля тронула Антона за плечо. Вот сейчас ей хотелось, чтобы он проснулся, и она уже точно поцелует его, встанет, сварит щи, сбегает в магазин, не пустит на работу...

– Антон...

Надоедливый голос с экрана повторил его имя:

«...Антон Никишин, убивший четырех сослуживцев, попадает под мое определение».

«Большое спасибо. Напомню, что специальным гостем программы «Утро» был психиатр судебного управления Главной военной прокуратуры доктор медицинских наук полковник Якунин Станислав Викторович. А сейчас мы еще раз повторяем репортаж нашего корреспондента по Самарской области».

Юлька, проглотив тугой ком, поднесла руку к горлу.

«Вот здесь, возле ворот склада, рядовой Антон Никишин расстрелял своих товарищей из автомата Калашникова.

Следовательно, ведущий...

...на почве внеуставных отношений...»

Нет, не может быть. Юля попыталась успокоиться, хотя уже чувствовала, что Антон и есть этот...

«...человек видели его. Он пытался взять билет на поезд до Москвы... К сожалению, участились случаи, когда, вооружаясь, военнослужащие...»

«Доказательства, – потребовала Юлька, с ненавистью глядя на очкастого репортера. – Это не он, покажите фотографию».

«Вооружен автоматом Калашникова, владеет приемами рукопашного боя...»

«Фотографию!!»

На глаза Юльки навернулись слезы, она взяла Антона за руку: ну почему это должно было случиться именно с ней? «Это ложь! Покажите фотографию, ублюдки!»

«...крепкого телосложения, короткие светлые волосы, над правой бровью шрам...»

«Сволочи! Фотографию!»

Фотографию показали.

Ну, вот и все. Юлька, отпустив руку Антона, с каменным лицом встала с кровати. Слезы текли по ее щекам, скопившись в уголках губ. Подняв с пола одеяло, укрыла Антона. Покосившись на телефон, она сняла трубку.

* * *

Под утро подполковник Рябов получил от Кирсанова схожую стенограмму допроса Мараева: почти те же вопросы и ответы.

У Рябова тоже были новости. И Албаков, и Мараев, приезжая в Самару, последнее время останавливались в гостинице «Октябрьская». В частности, они проживали там с 28 по 30 июня и с 16 по 18 июля. Это как раз совпадало с увольнительными Никишина, в журнале записано,

что он уходил в город 29 июня и 17 июля. Увольнительные ему выписывал командир роты капитан Дмитрий Романов.

А вот что касается записей в журналы, то 29 июня запись была сделана Каргиным Михаилом Юрьевичем, а 17 июля – Полетаевым Игорем Максимовичем. И тот и другой были убиты Никишиным.

Рябов еще раз вызвал к себе младшего сержанта Сергея Малышева.

– Скажи, Сережа, ты помнишь, когда Антон ходил в увольнительные?

– Мы несколько раз вместе ходили.

– О них ты тоже расскажешь, но сейчас меня интересуют его одиночные увольнительные.

Ты что-нибудь знаешь о них?

– Знаю, что к нему приезжали, а кто, он не говорил.

– Он скрывал это?

– Как вам сказать? Я, конечно, спрашивал, но он ушел от ответа. Мне показалось, что он ходил к девушке.

– А как он ушел от ответа, не помнишь? Что сказал?

– Постойте... По-моему, сказал, что ходил к знакомым.

– К знакомым или к знакомому? Это очень важно.

– Я могу ошибиться, но, кажется, он сказал во множественном числе.

– Что, оба раза?

– Нет, только в первый раз.

– А во второй?

– Во второй раз я не спрашивал. Это его дело, правда?

– Конечно. А ты не замечал, приходил ли он навеселе с увольнения?

– Нет. Ну... может быть, легкий запах был. Скорее всего пива.

– Как ты думаешь, у него были твердые намерения убить прапорщика Шляха?

– Вряд ли, ведь потом он сказал, что подумает.

– Он же говорил, что собирается застрелить его из автомата?

– Наверное, это я спровоцировал его. Антон хотел «поработать» с ним на ножах, а я назвал его слабачком. Тогда Антон сказал: «Значит, я застрелю его».

– А его знакомые, они не были кавказской национальности?

– Я о них ничего не знаю.

– Ну что ж, спасибо, Сережа.

После этого разговора Рябов вызвал к себе капитана Романова, командира роты Антона Никишина.

– Мне показалось интересным вот что, – начал разговор подполковник. – Во время последних двух увольнительных Никишина ваша рота, капитан, заступала в караул, и оба раза вы назначали начальником караула своего заместителя, старшего лейтенанта Бойко.

– Ну, во-первых, назначаю не я, это утверждается приказом заранее: заступить в караул тогда-то и тому-то. – Голос командира роты звучал с едва различимой хрипотцой. Рябов, вглядываясь в суровые черты лица Романова, сделал неожиданный вывод: хрипотца шла капитану.

– Это понятно, – заметил Рябов, выслушав разъяснения капитана, – протокольная система, не больше; хотя определенный график должен быть?

– Он и существует. Так же, как и специфика нашей воинской части и подразделения, которым я команду. Есть и Устав караульной службы. Недавно я перечитывал эту книгу.

Ироничный тон капитана не задел Рябова.

– Вернемся к старшему лейтенанту Бойко, если вы не против.

– Хорошо. В те дни, когда я выписывал Никишину увольнительные, начальником караула по графику был именно старший лейтенант Бойко.

– А вы не хотели лично поинтересоваться, кто приходил к солдату из вашей роты? Тем более что фамилии посетителей были чеченскими. Вы ведь воевали в Чечне?

– Воевал, но это не имеет никакого отношения к Никишину, потому что в то время он был допризывного возраста. А тех, кто приходил к Никишину, я видел.

– Вот как?

– Да. Когда мне позвонил с КПП Полетаев, я лично прибыл туда, проверил документы.

– Можете описать внешность посетителей?

– Конечно.

– А паспорта? Они были в обложках, имели какие-то пятна на страницах, дефекты на фотографиях? Словом, какие-нибудь особенности.

Романов, вспоминая, нахмурил лоб.

– У одного, сейчас не вспомню фамилию, действительно на первой странице паспорта жирное пятно – в левом верхнем углу страницы.

– А как получилось, что, когда рота заступала в караул, Никишина эта участь миновала в обоих случаях?

– Я знаю об этом, от караула его освободил врач.

– С каким диагнозом?

– Не знаю, спросите у врача.

– Очень много накладок в этом деле.

– Лично я накладок не вижу. Никишин знал график дежурств, перед встречами с чеченцами он приходил в медсанчасть и просил освободить его от наряда в карауле. У нас не инженерные войска и не стройбат, если боец говорит, что он плохо себя чувствует, ему верят. У нас не принято «косить» от нарядов.

– Это я понимаю, а вот не пойму одного: почему он назначал встречи на те дни, когда рота была в карауле.

– Скорее всего налицо простое совпадение, поэтому Никишин и обращался в медпункт.

Майор медицинской службы Цибикин, узнав, что его вызывает следователь, поднял запись в журнале и личную карточку Антона Никишина.

– Абсолютно здоровый парень, – говорил он Рябову, шевеля щеками и носом: таким испытанным методом он поправлял сползающие с носа очки. – Обращался в медсанчасть всего два раза.

– В течение двадцати дней, – уточнил Рябов.

– Да, меня тоже это удивило. У него была температура: 37,8 – 29 июня, и 38,1 – это 17 июля.

– Какой диагноз вы поставили?

– Острое респираторное заболевание, так как не обнаружил в легких и в дыхательных путях никаких хрипов.

– А потом вы его наблюдали?

– Обязательно! Он был у меня и 30-го, и 18-го числа соответственно по месяцам, – абсолютно здоровым.

– А он не мог принять какой-нибудь препарат, который повышает температуру?

– Мог, конечно, только зачем это ему?

– Вот и я думаю: зачем ему понадобилось нагонять температуру? – Рябов помолчал. – А в психическом смысле Никишин был нормальным?

Майор Цибикин ответил не сразу.

– Если честно, я еще ни разу не встречал психически уравновешенного человека. Мы все психи, на нас давят стрессы, и в каждом живет маленький монстр, который нет-нет да и проявит себя. Разве у вас не было случаев, когда вы откровенно психовали, били что-то в порыве ярости, курочили?

Подполковник улыбнулся: было.

На столе зазвонил телефон, Рябов отпустил майора Цибикина и снял трубку.

* * *

Юля громко позвала Антона по имени и встала в коридоре. Перед этим она приоткрыла входную дверь и убрала стул, чтобы можно было беспрепятственно выскочить на площадку и, несясь вниз по ступенькам, орать: «Помогите, у меня в квартире маньяк!»

«Черт! Сегодняшнюю ночь я провела в постели с убийцей. Как в кино, ей-богу».

– Антон!

Он быстро сел в кровати и уставился на Юльку. Прошло секунды две-три, он улыбнулся.

– Привет.

– Ага, привет. – Юлька замолчала. – Как спал? Кошмары не мучили? Иглы во сне не глотал?

– Что?

– Да так...

– А который сейчас час?

Все, подумала Юля, пора. Чем быстрее, тем лучше. И выдохнула:

– Уже вторые сутки, как тебя ищут... рядовой Никишин.

Антон опустил голову, молча глядя на смятую простыню. Потом он тихо спросил:

– Ты уже позвонила?

– Куда?

– В милицию.

Юлька вздохнула, отступив еще на шаг. Теперь она стояла в прихожей.

– В милицию не звонила, потому что очень благодарна тебе. Теперь я до конца своих дней буду вспоминать, что переспала с убийцей четырех человек.

– Откуда ты узнала?

– По телевизору передали. Вот что, Антон, давай сделаем так. Ты встаешь, одеваешься, без спроса идешь в туалет, выходишь из квартиры и... меня не интересует, куда ты пойдешь дальше. Я думала, ты мужик, даже убедилась в этом ночью, а ты, оказывается, слабак, дезертир.

– Хорошо, Юля, отвернись, я встану.

– Чего? Отвернуться? Знаешь, что про тебя передали? Что ты вооружен и очень опасен при задержании. Отвернись... Сейчас при тебе оружия нет, но я видела, как ты вчера завалил четверых крепких парней. Ты как-то ненормально их завалил. Давай, Антон, одевайся. И не трати время, через десять минут сюда придут Серега Образ и еще с десятка человек.

Антон откинул одеяло и начал одеваться. Юлька в последний раз окинула взглядом его крепкую фигуру и сильные руки. В ней шевельнулась жалость, но она призвала на помощь презрение.

– Тебя что, опустили? Унизили как мужчину?

Антон покачал головой.

– А почему же ты так круто обошелся с товарищами? Зачем ты расстрелял их?

– Я не расстреливал их.

– Ну, убил. Это что, не одно и то же?

– Нет, это две разные вещи.

– Значит, все-таки убил. Чего молчишь? Мне-то ты можешь сказать?

Антон твердо посмотрел ей в глаза.

– Да, я убил, стрелял из автомата, потом ограбил двух людей. – Он поднял к Юльке лицо. – Брось кроссовки. Я не хочу, чтобы ты обиделась, поэтому не буду тебя благодарить.

– Уйдешь тихо, по-английски?

– По-русски. – Антон обулся, поправил ремень на джинсах, бросил взгляд на часы: 8.10. Посмотрев на тонкую фигуру Юльки в коридоре, он тихо сказал: – Будет безопаснее, если ты выйдешь на улицу и подождешь, когда я уйду.

Да, так было безопаснее, однако Юлька прижалась к стене, кивнув на выход.

– Иди, Антон.

Он молча шагнул к двери, девушка в последний момент задержала его, взяв за рукав куртки. Антон повернулся к ней. Она обняла его.

– Куда же ты пойдешь? Может... останешься до вечера? Я приготовлю поесть.

В прихожей дважды прозвенел звонок. Юлька почувствовала, как напряглось тело Антона. Она одной рукой сжала его руку, а второй потянулась к дверному замку.

– Не бойся, это Серый. – Не отпуская Антона, она открыла замок.

На пороге стоял Сергей Образцов во вчерашней упаковке, только на ногах были кроссовки. Кивнув в знак приветствия, он вошел. За ним шагнули Ромка Ващенко и Олег Примаков по кличке Примус. Еще человек пять столпились на площадке. Кто-то сделал попытку войти следом, но Образ спокойным голосом остановил их:

– Ну куда вы всей толпой? Ждите на улице. Примус, закрой дверь. – Образцов посмотрел на прильнувшую к Антону Юльку и спросил: – Что случилось, Юль?

– Вот, – она подняла глаза на Антона, – у него неприятности.

Образцов молчал, ожидая продолжения.

– В общем... – нерешительно продолжила Юлька и замялась. – Скажи сам, Антон.

Он кивнул.

– Я сбежал из части.

Образцов даже не удивился.

– Ну сбежал, и дальше что? Мой отец тоже ломанулся из части, когда служил. Просто так, погостить. Ничего, бабка с дедом привезли его назад, он отсидел суток пятнадцать на «губе», и все дела.

– Он с оружием сбежал. – Юлька неотрывно смотрела на Образцова, ее взгляд по-детски просил его помочь. Сергей на протяжении долгих школьных лет опекал Юльку. Когда у нее были проблемы, он приходил и молча сидел рядом. Она никогда ни о чем не просила Образцова, зная, что стоит ей только сказать, и он сделает все, расшибется в доску, но сделает, хоть как – по дружбе, из уважения... Может, он вел тихую осаду, так ни разу и не сказав Юльке, что любит ее.

– Да, – протянул Образцов, глядя на девушку. – Убил кого?

Они оба молчали – и Антон, и Юля.

– Может, в комнату пройдем? – предложил Примус. – Юлька чайник поставит. Я еще чай не пил, прямо с постели подняли.

– Чайник можно на твой голове вскипятить, – Ромка неприлично засмеялся и тут же смолк, поймав хмурый взгляд Образцова.

– Я сейчас, – Юлька, отпустив Антона, быстро вошла в комнату.

Пока она убирала постель, все молчали, стоя в прихожей. Примус, коротая время, ковырял ногтем обои на стене. Ромка вертел головой, оглядывая коридор, словно находился в музее или в кабине лифта. Образцов смотрел в точку на уровне груди Антона. Наконец Юлька позвала их, а сама прошла на кухню.

Образцов, сев на диван, крикнул:

– Юль, я закурю?

– Кури.

Затянувшись сигаретой, он выпустил дым, разгоняя его ладонью.

– Знаешь, Антон, я не буду тебя расспрашивать, что и как, прав ты или нет. Во-первых, я младше тебя, во-вторых, я не служил в армии и знаю о ней только понаслышке. Тебе на месте там было виднее. Глупо давать тебе советы, правильно?

– Советы вообще нельзя давать, – вставил Примус. С утра он был какой-то дерганный. – Я вот в пятом классе читал «Три мушкетера», так вот...

Образцов перебил, вяло махнув рукой в его сторону.

– Ты не кипятишься, Примус, дело-то серьезное.

– А почему нельзя советы давать? – произнес Ромка. – Это же своего рода воспитание. – Он хотел выглядеть куда старше Антона и мудрее.

Образцов, не обращая внимания на Ващенко, снова обратился к Антону.

– В общем, тут два выхода. Ты, кстати, откуда родом?

– Из Москвы.

– А служишь где? В каких войсках?

– Под Чапаевском, в спецназе.

Примус присвистнул и боднул головой.

– Может, Ромка прав, – продолжил Образцов, – совет тебе можно дать. Даже два. Если по-пацановски, то гуляй, жди, когда тебя поймают. Если по уму, сдавайся сам.

– Да пусть он расскажет, что случилось-то, – снова встрял Примус и крикнул: – Юль, сколько он человек замочил?

– Четверых, – раздался ее голос.

Примус снова свистнул.

Антон молчал. Он был чужим для этих пацанов. Кроме Образцова, напрямую к нему никто не обращался.

– У тебя самого мысли есть? – спросил Сергей.

– Есть. Я хочу вернуться в Чапаевск.

– Ну вот! – Примус вскочил с места. – Чего тогда мы тут рассуждаем!

– Сядь, – остановил его Сергей.

Из кухни появилась Юлька. Вот этого она никак не ожидала.

– Ты это серьезно, Антон?!

– Да.

– Ты хочешь сдать в своей части?

– Я не хочу, чтобы меня взяли милиция или военный патруль.

Образцов согласился с ним.

– Все равно тебя могут опознать, пока ты доберешься до части, и арестуют.

– Тогда тебе нужно сменить хотя бы рубашку. Сейчас я тебе дам отцовскую. Правда, он не такой шкаф, как ты, все равно хоть что-то изменишь в одежде. – Юлька суетливо полезла в шифоньер. – На, надевай... Вот, возьми еще темные очки и плеер. Наденешь наушники, будешь жевать резинку, на тебя не так будут обращать внимание.

Антон передел рубашку; она жала в плечах и была готова лопнуть на груди.

– Нет, Антон, – Юлька покачала головой, – ты какой-то ненормально мощный. Я просто не представляю, как можно унижить такого здорового.

– Меня не унижали, здесь совсем другое. Если бы не обстоятельства, я бы никогда не выстрелил.

– А убивать страшно? – наивно спросил Примус.

Антон долго молчал.

– Очень...

– Тебя расстреляют?

– Не знаю. Сейчас, во всяком случае, за мной охотятся.

– Ха! – Примус разошелся. – Он называет это охотой!

– Это его право так считать, – заметил Ромка. – Ты будешь сдаваться прямо в части?

– Нет, я хочу сдать командир роты, у него дома. Он живет не в военном городке, а в самом городе, на окраине. Я был у него два раза.

– Ну понятно, он боится самосуда со стороны товарищей.

– И этого тоже, – проговорил Антон.

Юлька села рядом с ним.

– Знаешь, я даже не представляю, как ты объявишься. С одной стороны, нужно иметь большое мужество, чтобы поступить так, а с другой... Хотя у тебя нет другого выхода. Ты боишься?

– Нет.

– Не храбрись, у меня самой поджилки трясутся.

– Ты точно решил сдать? – осведомился Образцов. – Или еще сомневаешься?

– Точно.

– Как хочешь... Тогда мы сделаем вот что. Мы с тобой, Антон, примерно одинакового роста, я принесу свои шмотки, ты переоденешься, и мы всей бригадой поедем в Чапаевск. Проводим тебя до дома твоего командира. В толпе тебя никто не опознает.

Антон смотрел на Образцова недоуменно. Чего ради они помогают ему? Хотя ясно почему: Юля. Он надолго задержал взгляд на Сергее. Тот, коротко взглянув на него, опустил глаза.

– Меня даже затошнило, – скривилась девушка. – Даже не представляю, как ты будешь сдаваться.

– Когда поедем? – деловито спросил Примус. – Предлагаю прибыть в Чапаевск в сумерки.

– Ладно, – Образцов встал. – В пять часов вечера мы придем.

8

Ни Кравец, ни Рябов, ни кто-либо другой не знали, где сейчас находится Антон Никишин. Не знал этого и командир роты капитан Романов.

Он подошел к холодильнику и налил полстакана коньяку. Выпив залпом, на некоторое время задержал дыхание. Коньяк приятно обжег гортань и равномерно обволок стенки желудка. Вынув из коробки шоколадную конфету, Романов выпил еще.

Напиток на вкус был просто восхитительным. Сегодня рано утром к нему из Москвы приезжали гости, оставили подарок – бутылку армянского коньяка «Ахтамар» и блок сигарет с тем же названием; хорошие сигареты, темно-коричневого, почти черного цвета, гораздо лучше американских. Романов курил мало, можно сказать, баловался, а вот за сегодня у него ушла целая пачка. Правда, добрую половину у него «расстреляли» сослуживцы – те, с кем ему довелось понюхать пороху.

Взвод Романова прошел боевое крещение в апреле 1995 года под Бамутом. Пришел приказ выдвинуться на высоту и окопаться. Все спецназовцы в полной боевой экипировке, включая «эрдэшки» и разгрузочные жилеты «Шторм». Они здорово тогда потрепали чеченских боевиков, не позволив им спуститься в долину, где проходила операция спецвойск, но и боевики, обложившие их шквалом пулеметного огня, положили шестерых подчиненных Романова.

Случилось это вот как. Рядом с капитаном в начале операции лежал рядовой Кумачев, он вроде бы и голову-то не поднимал, но пуля снайпера, уходя в шею, отвалила ему полподбородка. Романов, крепко выругавшись, подозвал сержанта Сухотина.

«Достаньте эту суку!»

Они вдвоем спустили труп Кумачева, положив его под деревом. Остальные сменили позиции. Найдя надежное укрытие за группой деревьев, четыре разведчика зарядили автоматы трассерами и прикрыли Сухотина и еще двух товарищей. Чеченские снайперы, легко определив по яркому следу трассеров, откуда ведется интенсивный огонь, сосредоточили внимание на них. Сухотин с группой, быстро миновав простреливаемый участок, забросали кустистую высотку гранатами.

Снайпера убрали, но Сухотин остался лежать на высоте; к тому же огонь пулеметов накрыл прикрывающих, и еще трое не встали; младший сержант Бахметов, получив скальпированное ранение головы, умер от кровотечения...

Похоже, это была ошибка Романова, он отдал приказ, находясь в возбужденном состоянии, в порыве справедливой злости, на которую как командир не имел права.

Когда уходили и забирали убитых, бойцы старались не смотреть на Романова, а он еще долго слышал по ночам собственный голос: «Достаньте эту суку!»

Возвратившись, он даже не написал рапорт, хотя по совести, наверное, должен был сделать это. Под Сунжей он получил контузию, и его отправили в госпиталь.

...В квартире стало темно, свет Романов не включал. Подойдя к окну, он посмотрел в узкую полоску между шторами. Внизу прошла группа парней и девушка; она и еще один парень вошли в подъезд, остальные направились к следующему подъезду.

Романов плеснул в стакан, совсем как в американских фильмах, на два пальца коньяку. В горле шевельнулся комок, отдавая по слизистой горьковатым неприятным привкусом. «Изжога. Нужно выпить соды». Но в руках был стакан с коньяком. Он поднес стакан ко рту, однако жидкость вдруг выплеснулась на рубашку: капитан вздрогнул, услышав в прихожей звонок.

* * *

– Антон, почему я должна заучивать эти идиотские слова? Не проще ли будет, если я просто скажу, что я подруга Антона Никишина и что у меня есть о тебе сведения.

– Нет, ты должна сказать именно то, о чем я тебя прошу. Капитан немного нервный человек, его нельзя готовить к чему-то, надо сразу огорошить. Он откроет дверь, увидит меня и... все встанет на свои места. А если ты начнешь – «я подруга Антона, у меня есть сведения», он может занервничать и выйти на площадку с пистолетом. Он уже будет готов, понимаешь? Или вообще не откроет, а вызовет группу захвата. Мы же приехали сюда для того, чтобы я тихо сдался.

– Все-таки ты странный человек. Послушать тебя – трус трусом. Хорошо, я скажу, как ты хочешь. Мне кажется, что он не будет спрашивать «кто там?», а просто откроет дверь, когда увидит на площадке девушку.

– Уверяю тебя, что сегодня он обязательно спросит, кто там.

Они вошли в темный подъезд, Антон ступил на первую ступеньку. Юля удержала его. Глядя ему в глаза, она спросила:

– Больше мы с тобой не увидимся?

Антону не хотелось огорчать ее, но он сказал правду:

– Все зависит от того, как примет нас командир роты.

– Но он же не военный трибунал, тебя все равно осудят.

Антон твердил свое:

– Ты все хорошо запомнила?

Юлька, обиженно поджав губы, сказала «да».

Из почтового ящика квартиры № 8, где жил капитан Романов, торчал уголок белой бумаги. Антон осторожно вытянул его. Бумага оказалась агитационным листком, предлагающим проголосовать за депутата от фракции «Яблоко», баллотирующегося в органы местного самоуправления. Депутат на фотографии выглядел безупречно, на улыбочивом лице было все – молодость, ум, стремление и здоровье. «Мы умеем, вы можете. Что еще нужно?» – стояло в самом низу.

Юлька заглянула в листок.

– Я тоже такие по квартирам таскала, тысяч шестьдесят заработала за вечер.

Антон вернул листок на место и поцеловал Юльку в висок. Спустившись на несколько ступенек, он вжался в стену и высоко поднял голову. Юле стало невыносимо жаль его; сейчас выйдет из квартиры капитан, вызовет наряд или еще кого-то, и Антон навсегда уйдет из ее жизни. Видит Бог, ей этого не хотелось. Чтобы он ни сделал, происходящее казалось ей несправедливым. Она медлила и уже хотела спуститься к Антону, но он ободряюще кивнул головой: давай.

Вздохнув и позвонив в дверь, Юлька уставилась в черный зрачок дверного «глазка». Агитлисток выскользнул из почтового ящика и упал к ногам. Подняв бумажку, она бесцельно держала ее в руках.

Было похоже, что в квартире капитана никого нет, во всяком случае, свет там не горел, поэтому она вздрогнула, когда мужской голос за дверью спросил:

– Кто?

Юлька, растерявшись, забыла, что нужно говорить. Но и стоять молча было нельзя. Она краем глаза увидела, как пятью ступеньками ниже морщится Антон. Секунда промедления тянулась вечно.

– Никто, – неожиданно отозвалась Юлька, взяв себя в руки. Напустив в голос пренебрежения, она нагло заявила: – В пещерном веке, что ли, живете, чтобы вот так спрашивать?

За дверью молчали.

– Ну, вы откроете или нет? Лично мне две тысячи не лишние.

– Какие тысячи?

– Ну наконец-то... За вашу подпись, разумеется. Я получаю две тысячи с подписи. Вы за губернское деление и прекращение развала в стране? Если вы также за индексацию вкладов и обеспеченную старость, то откройте и распишитесь.

– А что еще в вашей программе? – Голос за дверью прозвучал слегка насмешливо.

– Право на труд.

– И все?

– Защита среды обитания человека.

– Только человека?

После этого девушка услышала возню ключа в замке. Антон поднялся на две ступени и прижался к стене, напряженно вслушиваясь в голос. Юлька еще не ответила, но поняла, что здесь что-то не так: глаза у Антона были холодными, словно он шел не сдаваться и каяться, а наоборот. Было поздно – замок открывался, а Юлька продолжила:

– Защита природных богатств, – сказала она, а в ушах звучал голос эксперта-психолога:

«Ему нельзя доверять оружие, ему нужна срочная психологическая помощь...»

– Защита от культурной агрессии Запада, – продолжила девушка, глядя теперь на напряженного Антона. Он казался ей хищным зверем, почуявшим добычу, его ноздри трепетали от предвкушения неравного поединка.

«...душевнобольные люди, я бы сказал, с явными маниакальными выражениями...»

– Бесплатное образование...

Хищный облик Антона пропал, вместо него Юлькины глаза выхватили из полумрака лестничной клетки обычного человека, попавшего в медвежий капкан. Внешне он не выглядел напуганным, но в глубине синих глаз кричали ярким светом крохотные слова: «Помогите мне!!!»

«Я еще раз повторяю: ему нужна срочная психологическая помощь».

Дверь открылась, и Юля увидела черноволосого мужчину около тридцати лет. Он стоял, опершись рукой о косяк, и взглядом ювелира оглядывал девушку.

Похоже, прав был Сергей Образцов, нужно было поступить по-пацановски: гуляй сколько можешь, пока тебя не возьмут. Зачем они приехали сюда? Перед глазами был еще один Антон – невероятно сильный, спящий, расслабленный...

Романов, взяв из рук девушки листок, бросил взгляд на фотографию депутата.

– А для военных у вас что-нибудь есть? – спросил он.

Капитан стоял в глубине прихожей, в полушаге от порога, на нем была зеленая рубашка, три верхние пуговицы расстегнуты, от него сильно пахло спиртным. Юлька испугалась, одновременно почувствовав ненависть к этому военному.

«Сволочи! Покажите фотографию! Это не он! Покажите фотографию!»

И снова противный голос с экрана, который то и дело менял облик Антона:

«...похожий случай, который произошел совсем недавно... убив товарищей, ворвался в квартиру офицера, убил его...»

– Отказ от блокады, – еле слышно прошептала Юля, внезапно побледнев. Она мысленно звала Сергея Образцова: «Давай, Серый, быстрее сюда, быстрее. Нужна твоя помощь». Прежде чем сказать последнюю фразу, она, невольно повернув голову, посмотрела на Антона: – И... еще продажа оружия за рубеж.

Романов вдруг напрягся и, потянувшись к Юльке, правой рукой быстро сунулся к поясу.

Стремительный бросок Антона не позволил капитану схватить девушку за руку. Однако Романов уже сжимал рукоятку пистолета. Антон провел прием, сбив ногу капитана и рванув

его на себя. Прижимая его к себе и разворачиваясь, Антон с прогибом бросил капитана через грудь и плечо, влетев вместе с ним в прихожую.

Романов, оказавшись под Антоном, мгновенно вывернулся, уходя от болевого приема, но попал в невыгодное для себя положение – оказался на коленях и локтях. Такого момента Антон упустить не мог. Стоя на одном колене, он захватил капитана руками за плечо и, резко выдохнув, перевернул его на спину. Пистолет отлетел к двери, и Антон уже намертво держал командира роты, надавив предплечьем ему на горло.

Что-то подсказало Юльке, что ей не следует кричать, надо просто зайти в квартиру и закрыть за собой дверь. Она выполнила эти указания и подняла с ровно покрашенного пола пистолет.

Еще недавно полы были совсем другими...

* * *

Романов встретил Антона в гражданской одежде – в хлопчатобумажном трико и вылинявшей рубашке без пуговиц; края рубашки он завязал узлом на животе. Конспиративно подмигнув, он спросил:

– Никто не видел тебя?

– А кто учитель-то? – улыбнулся солдат.

– Вот это правильно, Антон, держись меня, будешь настоящим профессионалом. Ты купил полотно для ножовки?

– Да, – Антон протянул Романову полотно, завернутое в промасленную бумагу.

– Нормально, – капитан взял тонкую полоску и посторонился, пропуская подчиненного в квартиру. – Давай заходи. Видишь, как живу?

Романов развел руками и посмотрел на пожелтевшую известку на потолке. Обои в коридоре и на кухне были засаленными, протертыми, их бывший орнамент не просматривался. Полы производили вид давно не крашенных, шпаклевка на стыках досок отлетела, в углублениях скопилась грязь и кое-где можно было заметить вросшие в трещины спички.

– Как тебе это нравится? – спросил Романов.

– Не нравится, – ответил тот. – Начнем с потолка, товарищ капитан?

Романов рассмеялся, хлопнув солдата по плечу. Потянув его за рукав на кухню, он усадил Никишина за стол и достал из холодильника бутылку водки. Подвинув к нему тарелку с мелко нарезанной селедкой с луком, он разлил водку в рюмки.

– Может, сначала поработаем, товарищ капитан? – несмело спросил Антон.

– Вот что, – Романов продолжал держать рюмку в руке, – давай вне части на «ты», я не намного старше тебя, лет на десять, не больше. Если тебе неудобно называть меня Димой, зови просто капитан, сердито, по-братски и уважительно. Ну, давай по рюмке – и начнем.

Они выпили. Романов предложил Антону налечь на закуску и вышел в комнату. Антон с аппетитом поел колбасы, съел глазунью, выпил крепкого чая. Романов позвал его, и они начали отодвигать мебель от стен.

– Известь я приготовил, – капитан вытер руки. – Сначала промой потолок, потом пару раз пройди известкой. Пылесоса у меня нет, придется работать кистью.

– Кистью надежнее, капитан.

Романов удовлетворенно улыбнулся.

– Вот так-то лучше, Антон. Ну, ты занимайся, а мне нужно в часть – работа. – Он помолчал. – Да, а Полетаев тебя не спрашивал, кто приехал к тебе?

– Спрашивал. Говорит: «Романов велел записать данные твоих родственников. В гостинице они».

– А ты...

– Я говорю: «Это не родственники, бывшие сослуживцы отца. Восток. Пронюхали-де адрес командира, он, наверное, уже коньяк открывает». Как и договорились, капитан, знакомые, – закончил Антон.

– Правильно. Я иногородних больше никого не знаю, а эти два парня хоть и чеченцы, они наши, помогали нам в Бамуте. Я их паспортные данные хорошо помню. Если бы не они, нам бы туго пришлось... А сейчас мне туго, женщину привести в квартиру неудобно. Только не проболтайся, Антон, а то нам обоим врежут. Я вижу, ты парень правильный, я таких единицы встречал. Сейчас они знаешь кто?

– Профи, – ответил Антон.

– Вот так-то... Понимаешь, тут есть и обратная сторона медали: все, что мы с тобой придумали, это как бы тактические занятия, стратегия, тыл, неординарные обстоятельства и остальное прочее. Это маленькие учения, мы разработали операцию, конечной целью которой является покраска полов и наклеивание обоев. Вроде бы просто, а мы сделали, чтобы было интересно. Это практика, она тебе пригодится, привыкай замечать, прислушивайся, учись быстро оценивать обстановку и играй, играй и еще раз играй. Прокручивай все; идет тебе навстречу компания людей, но для тебя должно быть все по-другому: они – боевая единица, и ты мысленно готовишься: боковым взглядом молниеносно оглядываешь проулки, подъезды, определяешь, проходные они или нет, какой свет светофора горит сейчас на перекрестке, сколько и какие машины стоят рядом. Ты должен мгновенно выхватить, подняты ли блокираторы замков на дверцах ближайшей к тебе машины, сколько человек находится в салоне; ты отмечаешь походку каждого, поворот головы – если голова повернута в одну сторону, а глаза смотрят в другую, для тебя это должен быть признак опасности. Это все игра, но это и работа, ты постоянно готов, ты пружина. Ты будущий разведчик, если тебе нужно уйти от наблюдения, привлеки к себе повышенное, откровенное внимание, сконцентрируй его грубо, но неожиданно, и тогда решение придет само. Никогда не надейся на случай, не зови его, а в подсознании отложи: случай – не от Бога, Бог закрывает глаза в такие моменты, случай – от ангела, от твоего ангела-хранителя. Играй, Антон, и думай; бели потолок и прислушивайся к шуму у соседей; клей обои – и определяй, какая машина проехала мимо, не стих ли внезапно за углом ее двигатель... Видишь, как интересно? Когда мы закончим ремонт, ты будешь таким же обновленным, неузнаваемым, как моя квартира. Ты в какой-то степени уйдешь в себя, и это очень хорошо, тебе неинтересно будет даже с твоим лучшим другом Малышевым, которому ты...

– Я посмотрю на поворот его головы, и даже если его глаза смотрят в ту же сторону, я все равно ничего не скажу.

– Вот так, Антон. Играй тут, а я вернусь к вечеру.

Антон переоделся, свернул из газеты шапку и начал промывать потолок.

Когда под вечер пришел Романов, Антон успел побелить все потолки и начал клеить обои в коридоре. Капитан покачал головой: не ожидал. Вдвоем они доклеили коридор, и Антон пошел мыться.

Романов приготовил ужин, на столе снова появилась бутылка с водкой. Они выпили. Капитан продолжил начатый утром разговор.

– Я не хочу, Антон, чтобы ты был обычным жлобом, вышибающим одним ударом ноги дверь квартиры, не хочу, чтобы в твоей голове вместо мозгов были крутые мышцы. И также я не хочу, чтобы ты был подвержен эмоциям. Один раз я сгубил несколько человек, поддавшись внезапному порыву. Тогда все отошло на второй план, была только злость, ненависть. Мне казалось, что я стою на покато, скользкой поверхности, край которой кто-то поднимает, падаю я, и падают мои бойцы. На самом деле все было не так, но я принял все по-своему... Очень страшно, когда рядом прожужжала пуля, но еще страшнее, когда попала она не в тебя, а в твоего товарища.

Антон, тронув его за руку, впервые назвал капитана по имени:

– Не надо, Дима.

Романов быстро покачал головой.

– Это не поза, Антон, клянусь тебе, что в тот момент я пожалел об этом. А та пуля, которая убила бойца, оказалась для меня гранатой, меня словно подбросило взрывной волной. Я до сих пор не могу отойти, я проклял все, переродился, сошел с ума... Потом я видел много смертей и, кроме себя, уже никого не винил. Хотя хотелось поднять свой взвод и повернуть его в обратную сторону, ворваться в просторные кабинеты и перестрелять к чертовой матери их жирных обитателей, предварительно сорвав, у кого есть, с плеч махровые погоны...

Антон с необъяснимым чувством слушал командира роты, который, как на исповеди, говорил о том, что его состояние больше похоже на болезнь и что он не знает, как ее перебороть. Он услышал о каком-то человеке, имя которого Романов не назвал, зато произнес странную фразу: «Хорошо, Антон, что ты никогда не сможешь познакомиться с этим человеком».

– Я не жалею и не плачу, Антон, но от собственной слабости иногда хочется выть. И никогда не пытайся понять меня. Никогда. Ты не обиделся?

– Да ты что! Нет, конечно.

– Правильно. – Романов помолчал. – Знаешь, Антон, оказывается, собственные мозги способны притупить любую боль и сделать к ней равнодушным. И не только к своей боли, но и к боли других. Это цинично, но ты не должен винить меня. Мне нужен друг и, похоже, я нашел его, теперь у меня есть человек, с которым я могу поговорить честно и открыто, зная, что он меня никогда не предаст. И так же откровенно я могу сказать, что мне жаль тебя: быть другом капитана Романова очень рискованно.

– Ничего, капитан, я постараюсь не огорчаться.

– Молодец, Антон. Я тут много чего наговорил, лишнее постарайся выкинуть из головы. Жалко, что мы не сможем закончить ремонт в ближайшие дни, но через пару недель я снова отпишу тебе увольнительную. Пароль тот же: два чеченца. – Романов улыбнулся. – Здорово мы всех, правда?

Антон кивнул. Капитан оказался своим в доску парнем, откровенным, прямым; он почему-то жалел Антона, а тому хотелось пожалеть капитана. Романов поймал его участливый взгляд.

– Скоро, Антон, я выбью тебе отпуск, тебя увидят мать, родственники, любимая девушка... У тебя осталась на гражданке девушка?

– Да как-то не обзавелся. Подруги были.

– Если судить по твоей внешности, то их было немерено. Что, не так?

– Были... – ушел от ответа Антон.

Юлька не знала, что делать с пистолетом, но на всякий случай держала его правильно – дулом от себя.

– Молодец, – тяжело дыша, одобрил Антон.

– Вот теперь тебя точно расстреляют, – сказала она. – И меня заодно с тобой. – Голос девушки дрожал. Сейчас ей хотелось сделать сразу два дела одновременно: улыбнуться на ширину приклада и заплакать. Второе ей удавалось, а с первым помог Антон.

Он слегка повернул к ней голову и слабо улыбнулся:

– Не смей меня, а то я выпущу его. – Он внезапно отнял руку от горла Романова и опустил ее уже сжатую в кулак. И еще раз. Удары пришлись в околосочную кость, капитан потерял сознание. Антон, легко взвалив его на плечи, занес в комнату. Девушка с пистолетом проследовала за ним. Она молча смотрела, как Антон связывает капитану за спиной руки и усаживает его в кресло.

Ничего себе, вот это он сдался в плен!

– Скажи честно, Антон, – спросила она, – ты маньяк?

– Сейчас – да.

– Я верю, у тебя, как и у любого маньяка, извращенный ум. Классно ты нас купил.

– Извини, Юля. Сбегай, пожалуйста, за пацанами.

Вот это для Юльки была неожиданная просьба. Быстро повернувшись, она пошла к двери. Антон окликнул ее:

– Пистолет.

– Что? – Она обернулась.

– Оставь пистолет.

– Не-а. – Она засунула тяжелую штуковину за пояс джинсов и прикрыла сверху майкой.

Образцов, войдя в комнату, бесстрастно посмотрел на связанного хозяина. Примус, увидев эту картину, застрял в дверях; на него напирали сзади, и он чуть не упал. «Что за херня?» – думал он, глядя то на Антона, то на офицера в кресле, то на вооруженную пистолетом Юльку. Образцов молча обошел комнату, заглянул на кухню, снова вернулся. Антон думал, что тот хотя бы спросит, что тут происходит, но Сергей казался следователем, осматривающим место преступления. Наконец он закончил осмотр и остановился возле связанного капитана. Тот едва поднял голову, глядя на подошедшего мутным взглядом.

– Надо бы ему рот заткнуть, – предложил Образцов. – А то еще закричит.

Антон покачал головой.

– Нет, кричать он не будет.

– Пацаны, – разлепил губы Примус, глядя на Антона, – если он убьет его, это будет пятый.

«Пятый...» – Антон окинул взглядом свежевыбеленные потолки и блестящий от недавней покраски пол.

Первый... второй... третий.

Четвертый.

Пятый...

* * *

Он только что заступил на пост и почти сразу же увидел приближающихся к складу двух человек; он узнал их, но, как и положено, спросил, кто идет. Ответил Шлях:

– Помощник начальника караула прапорщик Шлях и зампотех майор Ярин.

Антон позволил им подойти к складу. Ярин заменил замки на двери склада. И все. Даже не зашел внутрь, оставив пломбу нетронутой. Когда он упаковывал старые замки в газету, Антон заметил, что руки майора подрагивают. Шлях насмешливо смотрел на караульного.

– Жалко мне тебя, Никишин, стоишь тут, а за забором девчонки трусами машут. Не хочешь махнуть через забор?

Антон не ответил. Что-то шевельнулось внутри, но он быстро пришел в норму: он играл. Шлях, что и говорить, был сволочью, но, однако, сам он не должен поддаваться эмоциям. Антон мысленно благодарил капитана Романова, который «лепил» из него настоящего разведчика. Вот если бы только чуть пораньше они сошлись с капитаном, тогда бы не было разговора с Сергеем Малышевым в душевой спортзала; об этом разговоре Антон вспоминал с досадой – эмоции. Зато теперь, когда Романов, не щадя себя, выложил перед ним опыт своих ошибок, подобного не повторится. Не далее как вчера Шлях на тренировке по рукопашному бою в непростой для себя ситуации, используя прием на удержание, немало удивился: Антон был в безвыходном положении, однако вместо того, чтобы терпеть, как обычно, он два раза стукнул ладонью по полу: сдаюсь. Он становился настоящим профи. Шлях от неожиданности ослабил хватку – он все-таки прибрал крысеныша, и тут же пожалел об этом. Антон, легко освободив руку, рубанул Шляха по шее. Тот клацнул зубами и тут же получил еще один удар. Прапорщик пришел в ярость, Антон был спокоен, он делал Шляха на глазах у двух десятков бойцов

спецназа; делал лучшего бойца, швыряя его, как тренировочную куклу. И сержанту, наверное, хотелось взять автомат и расстрелять сучонка. Поднимаясь, он с остервенением шел на него, Антон, где надо, имитировал удары, где надо, бил откровенно сильно... Шлях стоял, шатаясь, готовый упасть к ногам Антона; сам бы он провел эффектный прием, добив противника сильным ударом, но Антон просто положил на его плечо руку и сильно надавил. Шлях грохнулся на колени.

Антон нашел глазами капитана Романова. Тот показал большой палец. «Спасибо тебе, Дима», – мысленно поблагодарил нового друга Антон и пошел в душевую. Его провожали глазами так, как не провожали Шляха. Сергей Малышев громко свистнул; сначала ответил кто один, потом еще и еще – сегодня лучшим был Антон.

– Не хочешь махнуть через забор?

– Нет, товарищ прапорщик.

– А глазки-то врут. Хочешь. Я часто буду наведываться сюда. – Шлях посмотрел на неважно выглядящего майора. – Все у тебя?

Антон приподнял бровь: Шлях разговаривал с офицером старшего состава на «ты». В принципе удивительного тут ничего не было, Шлях сверхсрочник, имел офицерскую должность, они с Яриным могли запросто сойтись, и наверняка это было так. Тем не менее Ярин, кивая Шляху, бросил быстрый взгляд на караульного.

Антон включился в игру, отмечая бледный вид майора, его бегающие глаза, суетливые руки; приметил шуточный тон сержанта, отложил в памяти сверток с замками, панибратское обращение и забор. «А глазки-то врут». Глаза Шляха ввали, их холодность не шла к сказанному.

«Время, – говорил Романов, – всегда старайся запомнить время, когда что-то насторожило тебя».

Антон красил полы, капитан, изрядно выпив, возился с плинтусом.

«Во сколько я вернулся сегодня?»

«Не заметил».

«Очень плохо. Ты сегодня все утро здесь, соседи слева все дома, ты машинально, по звукам, голосам должен был определить, сколько человек живут в квартире».

«Живут четыре человека, муж с женой и сыном и... свекровь».

«Мать, – поправил его Романов. – Просто у них такие «оружие» отношения с дочерью. Четыре с минусом».

«Полтора балла за свекровь это не много?»

«Это мало. Стены очень хорошо проводят звук, и ты мог отметить, что мужчина ни разу не назвал женщину мамой, а его жена, надрывая голос, постоянно называет ее так. Так что свекровь отпадает».

«У тебя преимущество, ты не один год знаешь своих соседей. Мне кажется, ты необъективен. К тому же я не вслушивался специально».

«А ты и не должен специально вслушиваться, для этого уши не нужны. Скоро я брошу тебя учить, дам тебе расслабиться, однако ты поймешь, что уже не сможешь без этого. Проснувшись ночью в туалет, ты будешь смотреть на часы; когда начнется какая-нибудь программа по телевизору, отметишь, что передачу задержали на полторы минуты. Это будет происходить подсознательно. Ты хорошо держишь язык за зубами, я спокоен за тебя и... за себя, мои уроки не прошли даром. Вот тебе вводная, Антон: я отвлекаю твоё внимание от чего-то существенного; оно рядом, но пока ты не отбросишь в сторону одну важную деталь, этой задачи тебе не решить. Принимаешь игру?»

«Честно говоря, я не знаю правил».

«Не хочу показаться тебе самонадеянным, но правила этой игры знаю только я. Ты даже не представляешь, сколько мне дало общение с тобой. Я втянулся в игру, что-то вспоминаю,

что-то придумываю сам, мне это дорого. И если однажды ты придешь ко мне и скажешь: «Я понял эту существенную деталь – это та вещь, которую ты мне предложил, эта вещь противоестественна, она многое объясняет», то я, несмотря ни на что... В общем, с одной стороны, мне хочется, чтобы ты удивил меня».

«Ты уже запустил эту вещь в работу?»

«Да. Смотри и думай. Я практически все выложил перед тобой, но этого так много, что ты не скоро разберешься с ним. Боюсь, что мне придется самому развязать язык».

«Можно наводящий вопрос? На какую букву начинается это слово?»

«На букву <д>. В этом слове шесть букв. Верить или нет, Антон, но вот сейчас, дав тебе вводную, я даже задрожал от возбуждения, никогда ничего подобного не испытывал. Это не водка, ты не думай, это грань, это край, бездна... Ну, как тебе моя задача?»

«Даже не знаю, с какой стороны подступиться к ней... Ты придумал ее специально для меня?»

«Да, я придумал ее только для тебя. Я даже установил сроки. Запомни, Антон, это игра для взрослых, игра на выживание».

«Если я не решу ее к назначенному сроку, сколько ты баллов снизишь мне?»

«Все».

* * *

Антон посмотрел на часы – 21.18. Шлях и майор отошли уже на несколько метров. Он поправил автомат и пошел вдоль склада; через равные промежутки на стене, под фонарями с защитными решетками висели предупредительные таблички: «СТОЙ! ОХРАНЯЕМЫЙ ОБЪЕКТ. СТРЕЛЯЮ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ!» Антон шел, решая кроссворд с одним словом.

«Дарвин, датчик, дачник, двести, движок, двойка, девочка... Нет, в этом слове семь букв. Дельта, десант. Десант? При чем тут десант? Нет, десант тут ни при чем. Если вставить это слово, то по Романову получится: «Десант, который ты мне предложил, противоестествен». Что же он все-таки мне предложил?»

«Дизель, доцент, дракон...»

Антон дошел до края здания, заглянул за угол и пошел назад. Предупреждающие флюоресцентные надписи немного отвлекали его. Он подумал, что можно было бы написать проще, современнее, чем по уставу караульной службы: «СТОЙ! ПОСТОРОННИЕ БУДУТ УНИЧТОЖЕНЫ!» Представив себе табличку с подобной надписью, улыбнулся.

«Драхма, дренаж, дрогис. Интересно, есть такое слово?»

Антон уже сомневался, сказал ли ему правду Романов или просто пошутил. Он уже который день перебирает все слова, начинающиеся на букву <д>, и пока ничего. Нет, как говорится, насильно мил не будешь. К черту эти слова, а то можно спятить.

«Дрожжи, дротик, дубина...»

Захотелось курить, но сигареты и спички он сдал, прежде чем идти на пост. На всякий случай похлопав себя по карману, Антон остановился возле дверей склада.

Для чего понадобилось майору менять замки? Похоже, Антон с тех пор, как завел дружбу с Романовым, стал чересчур подозрительным, даже Малышев заметил это. Они, конечно, остались друзьями, хотя дружба...

Антон вставил это слово: «Дружба, которую ты мне предложил, противоестественна».

Черт! Подходит. А если сначала? «Я понял эту существенную деталь – дружба, которую ты мне предложил, противоестественна». Вот оно: противоестественна дружба с Романовым. Противоестественно обращение Шляха к майору. «Антон, я отвлекаю тебя от чего-то существенного». Нужно отбросить в сторону одну важную деталь, сказал Романов. Выходит, нужно

отбросить дружбу. Значит... он отвлекает меня своей дружбой. Что должно стоять за этим? От чего он отвлекает меня?

Антон почувствовал, что его слегка залихорадило. «Веришь или нет, Антон, но я даже задрожал от возбуждения».

Черт! Черт! Черт! Антон чувствовал, что он где-то рядом, понимание «серьезной игры на выживание» вот-вот дастся в руки, и все же Романов продолжал оставаться другом – он «лепит» его, помогает.

Антон попытался представить себе злые глаза Романова, но капитан всегда смотрел на него открыто, по-доброму, как старший брат или отец.

Почему?

Потому что играл или говорил правду?

В глазах не было фальши – он играл в открытую, иначе Антон заметил бы это.

Может, дело в ремонте? Я помогаю ему как бы по дружбе, а выходит, что нет. Он не дружит с соседями. Соседи тут ни при чем. Так, что было до ремонта? Романов «сделал» мне увольнительную, вписав паспортные данные двух чеченцев в журнал. «Ты никому не говорил?.. Полетаев у тебя спрашивал?» – «Как договорились, капитан». Договорились. Мы договорились, я знаю о подставных знакомых, но молчу, и Романов усугубляет это дружбой, усыпляет внимание, уводит в сторону постоянной работой – «запоминай, прокручивай ситуацию... для тебя это не просто группа лиц, это боевая единица». Ко мне, если судить по записи в журнале на КПП, приезжали чеченцы. Вот, наверное, в чем состоит главное. Меня подводят под чеченцев, что-то должно произойти. «Да, эту задачу я придумал только для тебя... игра на выживание... Я даже установил сроки».

Неужели Романов? Неужели это не игра, где было все, включая и горчичники под носки, для температуры? Антон ради Романова, по его же просьбе «косил» под больного.

Так, думать быстрее.

Антон даже ускорил шаг. Сроки. Он установил сроки. Когда и как? Нужно вспомнить все подозрительное, он сам учил меня этому. А подозрительное... Антон снова остановился. Подозрительным был майор Ярин, его дрожащие руки, замки. Замки... Какую роль могут играть замки? Что можно сделать с замками? «Начинай от самого простого до самого, казалось бы, невероятного». Спасибо за совет, Дима. Итак, замки. Начнем с самого простого. Замок можно открыть, закрыть, повесить, снять, полить маслом, чтобы не заржавел, капнуть «тормозухи», чтобы не замерз, выкинуть, если сломался. А если он не открывается? Спилить. Что еще? Грубо взломать, взорвать, использовать как холодное оружие, если замок тяжелый, – это уже из области невероятного. С замками ничего не выходит.

А что Шлях говорил насчет забора? Ты, говорит, не хочешь через забор? Что на уме, то и на языке? Через забор, замки, чеченцы, дрожащие руки, дружба, орущая свекровь... Полный бардак.

А если начать с чеченцев и тоже начать с простого? Что им нужно? Коротко это звучит так: суверенитет, деньги, оружие, счастья – и крови, что тоже относится к разряду маловероятного, крови не хочет никто. Выбор небольшой. Теперь придется гадать парами: чеченцы – суверенитет: замок открыт, закрыт, полит маслом, смазан тормозной жидкостью, спилен, взорван... Не подходит. Другая пара: чеченцы – деньги: замок открыт, закрыт, смазан, полит, спилен, взорван. Снова не то. Чеченцы – оружие: замок открыт, закрыт, полит, спилен... Спилен. Замок спилен на складе. Теперь все на месте: склад – замок спилен – оружие – чеченцы – через забор – Антон Никишин – часовой, к которому на свидание приезжали чеченцы. А вот замки-то на месте. Хотя нет, на месте совсем другие, а те... У тех сейчас спиливают дужки полотном, которое я купил в хозяйственном магазине. Потом... А как же я?

Меня застрелят где-нибудь возле забора. Очень хорошо.

Значит, их как минимум пятеро: два чеченца, Шлях, Романов и майор Ярин. И что мне делать? Пенять на собственное воображение или поднять тревогу? Если сюда подойдет Шлях или Романов, обязательно подниму.

Антон услышал в стороне от склада шаги. Он повернулся, взяв автомат на изготовку. Прожектор высветил группу из четырех человек: двоих караульных, разводящего и прапорщика Шляха. Взглянув на караульных, Антон успокоился и снял палец со спускового крючка: караульными были Михаил Каргин и Игорь Полетаев, разводящий – Саша Пахомов. Каргин и Полетаев никак не могут быть заодно с Романовым, потому что именно от них и предостерегал капитан Антона. Он еще спрашивал, что сказал дежуривший на КПП Полетаев, потом – что сказал Каргин.

Ф-фу... Значит, время еще есть. Я успел, товарищ Дима, успел. Через несколько минут я скажу тебе это слово: ты отвлекаешь меня своей дружбой, капитан.

Странно, но увидев в компании Шляха своих товарищей, Антон вдруг понял, что он что-то уж много нагородил, неестественно. Может, это от большого воображения, которое привил ему Романов? Детская игра для взрослых? Или наоборот? Мозга коснулось наивное в этой ситуации слово «проверка». Проверка кого? Суперразведчика Антона Никишина? Конечно! Посредством заместителя командира части, командира роты и командира взвода. Ни о какой проверке не может быть и речи. Тогда что, игра? Игра продолжается? А кто же тогда в ней Каргин и Полетаев? Если они здесь и игра продолжается, то они – участники.

Антон дал им пройти еще немного и громко спросил:

– Стой, кто идет!

– Помощник начальника караула, разводящий с караульными.

Слава тебе...

Антон почувствовал, как сердце перестает надсадно щемить. Теперь все, что бы это ни было, закончилось, он успел в любом случае; спасся он или не спасся, перегрузил ли воображение, но спасение от наваждения пришло в виде двух караульных – Полетаева и Каргина и разводящего Сашки Пахомова.

Вот это нагрузку дал ему Романов, вот это психо! Так навсегда можно остаться с трясущимися руками молотобойца.

Антон отпустило, он подмигнул Полетаеву. Как только он сообщит о «дружбе» Романову, сразу же за этим попросит отпуск: увидит мать, родственников, сходит к подруге...

Вдруг Антона сковало холодом, точно такие же слова ему говорил Романов, только по-другому – не ты увидишь, а тебя увидит мать, тебя увидят родственники... Вот сейчас Антон испугался – не Романова, а психического давления, которое тот оказывал на него. Как будто капитан просчитал и взвесил все свои слова, распределил их так, чтобы Антон оказался в таком положении – боялся не людей, а собственного мозга и нервных окончаний. Неужели расчет может быть таким точным?

Антону стало страшно, был только один человек, который или добьет его, или, наоборот, снимет все вопросы. Он должен увидеть его немедленно. Сроки вышли, капитан. Полетаев толкнул в бок Каргина, и они оба уставились на белое лицо Антона.

А тот смотрел на приближающуюся с другой стороны фигуру, и вид у него был такой, словно он пытался вырваться из кошмарного сна.

«Стой, кто идет!.. Стой, кто идет!..»

Кто-то семафорил Антону со стороны: «Командир роты, Антон! Спроси, кто идет».

– А?.. – Он сумасшедшими глазами посмотрел на Полетаева.

– Романов! – громко шептал тот. – Ротный. Спроси, кто идет.

Однако Шлях опередил его, задав этот вопрос.

Романов на ходу ответил:

– Начальник караула капитан Романов. – Он быстро подошел к Антону, встав от него в пяти шагах. Подозвав Полетаева и Каргина, отчеканил: – Рядовой Никишин, вы арестованы.

Шлях быстро вскинул автомат и, беря Антона под прицел, встал на одно колено.

– Сдайте оружие, – потребовал Романов. – Положите автомат к ногам, сделайте три шага назад и опуститесь на колени. – Видя, что Антон не реагирует, он кивнул Пахомову: – Возьмите его под прицел, сержант. Стрелять только по моей команде и только по конечностям.

Пахомов немедленно опустился на одно колено, сняв автомат с предохранителя. Каргин и Полетаев стояли не шелохнувшись.

Антон, как во сне, медленно потянул ремень автомата и свесил его вдоль туловища. Разжав пальцы, он отпустил оружие.

– Три шага назад, – скомандовал Романов.

Антон механически отошел.

– На колени. Руки за голову.

Ну, вот и все, пронеслось в голове Антона. Вот и все.

Он стоял на коленях вполоборота к группе, от которой откололся только Шлях. По приказу Романова он приблизился и поднял рукой в шерстяной перчатке автомат Антона.

– Посмотрите, сержант, подходит или нет? – Романов сделал два шага в сторону.

Шлях кивнул, опустив свой автомат на землю, вынул из кармана массивный глушитель и приделал к стволу автомата Антона.

– Он и есть, – Шлях снял оружие с предохранителя.

Первым был убит Саша Пахомов, за ним следом Шлях расстрелял Каргина и Полетаева. Быстро и хладнокровно.

Антон словно парализовало. Он отказывался верить своим глазам. Ему казалось, что перед ним разыгрывается спектакль, но кровь была настоящей; по-настоящему, сжимая простреленное горло, корчился в судорогах Игорь Полетаев. Шлях дал по нему короткую очередь, и он затих.

Торопливо надевая перчатки, Романов достал из свертка два замка. Быстро открыв висевшие замки, он положил их в карманы, замки со спиленными дужками бросил у склада, сорвал пломбу. Потом достал из кармана брюк бумажный пакетик и обсыпал металлической пылью проушины в дверях. Пыль, оседая на металлические уголки двери, осыпалась на асфальтированную площадку. И последний штрих – ножовочное полотно по металлу. Падая, оно противно задребезжало.

– Давай, – кивнул Романов Шляху.

Шлях держал в каждой руке по автомату.

– К забору, быстро! – приказал он Антону. – Я же сказал тебе, что ты сегодня полезешь через забор. Ну!

– Быстрее! – поторопил его Романов. – Ты можешь быстрее?!

Шлях сделал шаг к Антону.

Антон сидел правым боком к сержанту и, приоткрыв рот, неподвижно смотрел в темноту. Когда через глушитель прошипела первая очередь по Пахомову, руки Антона безжизненно упали вниз. Сейчас средним пальцем левой руки Антон щелкнул клепкой ножен и указательным и средним пальцем плавно потянул штык-нож на себя. Вытянув его насколько мог, он выпрямил пальцы, удерживая рукоятку безымянным пальцем и мизинцем, потом уверенно перехватив несколько раз, уже держал штык за лезвие.

Антон считал (так учил его капитан Романов) – прошло шесть секунд с момента первой команды Шляха, и тот сделал в его сторону уже три шага.

– К забору, я сказал! Подними руки!

Поднимая правую, Антон чуть задержался с левой и метнул нож из-под локтя, не надеясь на удачу, хотя и отнимал у противника несколько драгоценных мгновений. Проваливаясь на

обе ноги, он сделал длинный прыжок – невероятно длинный; руки достали только до ног сержанта. Он рванул их на себя, однако обязательного в этом случае рывка вверх не получилось. Шлях, падая на спину, инстинктивно подставил локти, пытаясь ударить ногой в голову Антона. Удар пришелся в плечо, а Антон уже рвал за ремень свой автомат. Шлях все-таки ударил его, Антон отлетел на пару метров и, вставая, дал очередь по сержанту. Тот схватился за грудь, но автомат был еще в руках. Антон отстрелял последние патроны и потянулся за запасным магазином, отыскивая глазами Романова. Тот бежал прочь от освещенной прожектором зоны.

Теперь Антон понял все, только не знал, что было похищено со склада, похищено скорее всего днем, когда майор Ярин мог спокойно провести обычную процедуру отпуска боевых средств. Потом на своей машине вывезти все это из части. Чтобы узнать это, Антону нужно остаться на свободе. Сейчас для всех он был убийцей и сообщником чеченцев. Но в первую очередь убийцей. Пожалуй, его даже не будут брать живым: при задержании он очень опасен. Сдаться означало поражение.

Бросив взгляд на тела товарищей, он подбежал к забору.

...Примаков обвел всех глазами и еще раз проговорил:

– Это будет пятый.

– Второй, – поправил его Антон. – Первым был прапорщик Шлях. А теперь я хочу от капитана узнать, зачем конкретно они со Шляхом расстреляли караульных, а потом хотели убить меня.

В квартире нависла тишина. Несколько пар глаз неотрывно смотрели на Антона. Юлька, на цыпочках подойдя к нему, заглянула в глаза.

– Антон, повтори еще раз.

– Я не убивал караульных, их расстрелял прапорщик Шлях. Потом они с капитаном должны были убить меня, но вышло наоборот. Шляха я достал, а этот ушел. Они подставили меня. На складе, где я нес караульную службу, что-то пропало. Что-то очень серьезное, раз они пошли на убийство. И вдвойне серьезное, если по телевизору и в газетах не сообщили об этом. Убить они меня хотели уже за забором части, якобы при попытке к бегству, списав тем самым на меня недостачу на складе.

9

Давно прозвучала команда «отбой», Сергей Малышев без сна ворочался на жесткой койке. Он вспомнил одну незначительную, но, может быть, важную для следствия деталь. Рябов сказал ему, чтобы он, если что вспомнит, обращался к нему в любое время дня и ночи. Деталь была не очень важная, а время было ночное.

Надев тапочки, Малышев в трусах и майке прошел мимо дневального в курилку. Во рту было сухо, курево не лезло. Напившись из-под крана холодной воды и докурив сигарету, Сергей вернулся на место и сел на кровать.

Напротив него была аккуратно заправленная кровать Антона, тумбочка, которую они делили на двоих, остатки индийского чая в жестяной банке, который они заваривали по вечерам, тоже на двоих, общая тетрадь, из которой они вырывали листы для писем, пачка конвертов...

Сергей уже давно потерялся в догадках, до сих пор не веря, что Антон мог совершить подобное преступление. Все говорило за то, что это сделал он. Все. Однако Малышев не верил. Ну ладно бы там одного Шляха шлепнул, а то расстрелял и караульных, из которых Мишка Каргин уже отстоял свой пост, а Игорь Полетаев готовился заменить Антона. Их-то за что?

Малышев, посидев еще немного, стал решительно одеваться.

Дежурный по штабу лейтенант Говоров, приоткрыв дверь в кабинет, где временно располагался Рябов, доложил:

– Товарищ подполковник, к вам младший сержант Малышев.

Рябов не ответил. Он лежал на кушетке и спал по-походному: рубашка на груди расстегнута, ботинки стояли рядом с кушеткой, галстук перекинут через спинку стула.

Говоров, покачав головой, обернулся к Малышеву.

– Может, до утра потерпишь? Видишь, спит человек.

– Я-то могу потерпеть, а дело нет. Он сам велел будить его в любое время. Давай буди.

– Не буди, а будите, товарищ младший сержант.

– Вчера придешь. Буди.

Сказав «ха», Говоров вошел в кабинет. Они с Малышевым были почти ровесниками, оба из Курска, и в первый же день знакомства перешли на «ты».

– Товарищ подполковник! – лейтенант потряс спящего за плечо.

– Да? – Рябов открыл глаза и посмотрел на дежурного.

– К вам Малышев из третьей роты. Я не хотел будить, но он говорит, что срочно.

Рябов сев на кушетке, посмотрел на дверь. Там стоял Малышев.

– А, Сергей. Заходи. – Следователь, обуваясь, попросил Говорова принести чаю.

– Мухой! – тихо напутствовал его Малышев, входя в кабинет.

– Что, Антон спать не дает? – спросил подполковник, подсаживаясь к столу. Расчесав волосы, он дунул на расческу и положил ее в карман. – У меня он тоже не выходит из головы. Сегодня по телефону говорил с его матерью – плачет. Успокаивал как мог.

– Не появлялся? – спросил Малышев, опускаясь на стул.

– Так скоро его не жди. – Рябов вопросительно посмотрел на Сергея. – Вспомнил что?

– Не знаю, может, это не пригодится, но в последнее увольнение, когда Антон вернулся в роту, мне показалось, что от него пахнет краской.

– Краской?

– Да, скорее всего масляной. Въевшийся такой запах, как будто он или на складе весь день пробыл, или красил что-то.

– Может, это были женские духи? Мне помнится, ты утверждал, что он встречался с девушкой.

– Говорил, товарищ подполковник, – поправил его Малышев, – но не утверждал. Я предполагал. А запах точно был, как от краски, никакие духи так пахнуть не могут. Я сколько раз дома ремонт делал – полы красил, двери, рамы. Точно, от него краской пахло.

– Так ты думаешь, он подрядился и делал у кого-то ремонт?

– Я ничего такого не думаю, не успел, я только недавно вспомнил об этом.

Рябов надолго задумался, подвинув перхающему Сергею пепельницу. Тот, закурив, извинился:

– Как ночью покурю, так...

В кабинет вошел Говоров, поставив на стол два дымящихся стакана с чаем. Малышев незаметно для подполковника небрежно махнул ему рукой: «Свободен».

Лейтенант раздул ноздри и вышел.

Сергей шумно отхлебнул и тут же затыкнулся, выпуская дым носом. Чай был крепким, то, что надо, и слегка вязал небо.

– Вы, наверное, земляки с лейтенантом или родственники, – неожиданно предположил Рябов.

Малышев здорово удивился, ему казалось, что подполковник, уйдя в свои мысли, ничего не замечает вокруг, а тот даже заметил неувловимый жест сержанта, его выражение лица и сделал соответствующие выводы.

– Да, – признался он. – Я сам из-под Курска, а Павел из самого города.

– У вас дружеские отношения?

– Скорее приятельские. Дружил я только с Антоном. – Малышев нерасчетливо сделал большой глоток чаю и шумно задышал. – Товарищ подполковник, можно откровенно поговорить об Антоне? Вернее, не откровенно, а как-то по-бытовому, что ли... Ну вот стреляйте вы меня, а я скажу, что Антон не мог сделать такого! Я не заступаюсь, я... Даже не знаю, как это сказать.

– Понятно, Сергей, ты говоришь сердцем, то, что чувствуешь.

– Точно-точно, – кивнул Малышев, – сердцем. Даже больше: всей грудью. Интуиция, понимаете? Подставили его, вот что, – неожиданно заявил он.

– Почему же в таком случае он не явится и не расскажет обо всем?

– Потому что подстава очень аккуратная, все на нем сходится. Да и вы сами так же думаете, разве нет?

– Думаю, думаю, только вот одной детали недостает пока. Так ты говоришь, вы друзья с лейтенантом? Его Павлом зовут, а фамилия?

– Говоров.

– А у Антона были друзья из офицеров?

– Нет, я точно знаю.

– А какие у него были отношения с Романовым?

– С командиром роты? Теплые: ты начальник, я дурак... Простите, товарищ подполковник.

– Ничего. А ты дома был у Говорова?

– Честно? Если честно, то был. И не раз. Он в военном городке живет.

– А в квартире у него хорошо?

– В каком смысле? – не понял Малышев.

– В смысле чистоты, порядка.

– А... Чисто, конечно. У него однокомнатная квартира, его жена, Татьяна, не работает, порядок на высшем уровне, все блестит, чему положено блестеть. Где надо, белеет.

– А Романов, насколько мне известно, живет в самом городе.

– Да, только где точно, я не знаю.

– И он не женат, так?

– Так точно.

– Скажи, Сергей, как можно нагнать температуру, чтобы «закосить» от наряда?

– У нас это не практикуется, свои же по репе настучат. А способов много. Можно, например, сахара с йодом наглотаться или на небольшую ранку приложить дольку чеснока. А чтобы порядочная температура была, нужно на подъем ноги приложить влажный горчичник и надеть носок. Тридцать восемь ноль вам обеспечено. Врач же не будет требовать, чтобы вы сняли носки.

– Так ведь жечь будет ногу-то, – улыбнулся Рябов.

– Вы же недолго у врача будете! Минут за десять до приема прилепите горчичник, к этому времени ногу у вас зажжет, температура поднимется. Только ногами нельзя елозить, сами понимаете, что будет.

– Понимаю, разоблачат и настучат по репе.

– Ну вам-то это не грозит. – Малышев осекся. – Простите, товарищ подполковник, расслабился.

– Вот и хорошо, в таком тоне и должна проходить беседа. Позови-ка сюда Говорова.

Малышев вышел и через несколько секунд вернулся с лейтенантом.

– Вот что, лейтенант, срочно разыщите мне капитана Романова. Если его нет в части, пошлите за ним домой. Скажите, что его вызывает начальник штаба. Не я, а начальник штаба. Так он может быстрее прийти. – И Рябов без паузы задал вопрос: – Кстати, вы не знаете, Романов уже закончил ремонт в своей квартире?

Говоров посмотрел на подполковника удивленно.

– По-моему, да. Недели две назад.

– И полы покрасил?

– Полы точно покрасил. Ребята у него дома были.

– Так, лейтенант, если Романова нет в части, домой ему не звоните. Свяжитесь с командиром. Мне срочно нужна группа захвата в десять человек, включите в ее состав младшего сержанта Малышева, он все равно в курсе. Больше никому ни слова.

Говоров побледнел и вытянулся. Козырнув, он вышел из кабинета.

– Ну, Сергей, похоже, ты поставил последнюю точку. Все, поступай в распоряжение Говорова.

– Вот сука! – процедил Малышев, хищно прищурившись.

– Ну-ну, Сергей, только без эмоций. Выводы делать еще рано. О чем мы с тобой говорили тут – никому ни слова.

– Понял, товарищ подполковник. Разрешите идти?

Рябов отпустил его кивком головы.

* * *

Антон, подойдя к Романову, присел на колени.

Рот у капитана был приоткрыт, он часто отрывивал, пуская на рубашку слюни; лицо белое, губы, сложившись в страшную гримасу, приобрели синеватый оттенок.

Антон взгляделся внимательней: глаза капитана с невероятной быстротой теряли жизненный блеск.

– Юлька! Воды, быстро! Много!

Девушка сорвалась с места и побежала на кухню. Из всей компании самым сообразительным оказался Образцов, вслед за Юлькой он пошел в ванную и вернулся с эмалированным тазом.

Юлька налиwała воду из трехлитровой банки в кружку, Антон, запрокинув голову Романову, пытался влить воду в рот, но вода не шла, выливаясь обратно.

Развязав Романову руки, он потащил его в ванную. Перегнув через край ванны, Антон, стоя сзади, надавил ему обеими руками на живот. Живот у капитана был неестественно вздут, при надавливании газы отошли через рот, наконец-то желудок капитана дернулся, и его вырвало темно-коричневой жидкостью, похожей на кофейную гущу.

Запах рвоты был настолько резким, что Антона самого едва не стошнило. Приподняв капитана, он взял у Юльки кружку с водой; Романов сумел выпить только половину.

В дверях столпились пацаны, тревожно наблюдая за действиями Антона. Он обернулся к ним.

– Отойдите от двери, дайте воздуха. – Он похлопал Романова по щекам: – Давай, возвращайся...

Романов смотрел на него из-под полуопущенных век, продолжая отрыгивать. В несколько приемов он сказал одно только слово:

– Коньяк...

Последнее время Романов все чаще стал прикладываться к бутылке, даже Дробов заметил его опухшие щеки и чуть подрагивающие руки.

– Что дороже всего на свете? – спросил он у капитана, когда тот в очередной раз приехал в Москву.

Романов пожал плечами, отвечать не хотелось, все равно не угадаешь, он сказал первое, наболеевшее, что постоянно, кроме водки, торчало у него в голове:

– Деньги.

Дробов удовлетворенно кивнул:

– Это очень хороший ответ. Гораздо хуже, когда на вопрос «Что дороже всего на свете?» ты ответишь: «Сто граммов, поданные вовремя».

Романов хмыкнул и промолчал.

...Никто не знал, где находится сейчас Антон Никишин, – ни Рябов, ни Кравец. Они могли искать его в Ульяновске, Волгограде, Москве, но Антон не покидал пределов Самарской области. Причина была только в нем, в капитане Романове, и он ждал Антона. Вряд ли тот появится сегодня, скорее всего дня через два, когда розыск беглеца в области потеряет накал.

Никишин сейчас где-то отлеживался, набирался сил и разрабатывал план встречи с командиром роты, хотя план должен быть весьма прост. Романов и Никишин знали об этом. Место встречи – только квартира капитана, иначе проиграют оба.

Романов вернулся в свою холостяцкую квартиру раньше обычного. Навернув на табельный «ПМ» десятисантиметровый глушитель, он вложил пистолет в самодельную кобуру вроде «мексиканской петли» и прицепил ее на пояс. Теперь, чтобы мгновенно выхватить пистолет, не нужно долго копаться.

«Итак, – думал Романов, – Антон сегодня вряд ли придет, а вот завтра или послезавтра объявится. У него есть вопросы, на которые он хотел бы получить ответы. И он получит их». Капитан, тронув рукоятку пистолета, нервно улыбнулся.

Слишком смысленным оказался Антон, ловил все на лету; если бы прослужил еще год, стал бы лучшим в части, лучше прапорщика Шляха. «Как ловко он его, – качая головой, вспоминал Романов. – Без страха шел на пули, как одержимый». Перед его глазами предстала мрачная картина: трупы караульных, оскаленное лицо Шляха, автомат в руке Антона. Короткая очередь, и Шлях, схватившись за грудь, рухнул на колени. Если бы Романов промедлил секунду-две, Антон достал бы и его.

«А соображает он быстро, – продолжал размышлять Романов. – Очень быстро, настоящий профи. Давай, Антон, отлежись денек-другой и приходи в гости. Для меня ты гость, для остальных – психопат-убийца. И точнее: я не сделаю того, что задумал».

Романов, достав из кармана записную книжку, набрал московский номер. Ему ответил мужской голос. После приветствий московский абонент сказал:

– Меня беспокоит здоровье твоего племянника и твое.

– У него маниакальные отклонения, план немного ушел в сторону, но все будет нормально.

– Я уже слышал это, когда ты готовил операцию. Я указал тебе на слабые стороны, но ты встал в стойку.

– Я все исправлю, он должен прийти ко мне. Я жду его.

– Ты или лечи его, или... Если ты выберешь первое, то тебе придется стать его донором – отдашь ему свои мозги. Если второе – живи полноценно. В следующий раз, когда будешь звонить, определись окончательно. Своих людей я буду держать наготове. Если боишься их, выскреби свои мозги ложкой и положи их в морозильник. Ты понял меня, Дима?

– Да.

Абонент отключился.

– Мразь! – Дмитрий Романов швырнул трубку. Угораздило же его связаться с этим подонком. Они все там в своей организации ненормальные. Все.

И я тоже.

Охмурили?

Нет, сам себя дал обехать, и искать оправданий бесполезно. Тут все: озлобленность, безверие, мутный взгляд вдаль, одиночество, осклизлая лапша с тушенкой в солдатской столовой, нежелание – в полном объеме этого слова. Кому и зачем передавать свой опыт? Чтобы кто-то истошно кричал по ночам: «Достаньте эту суку»?

Прозрение?

Если да, то запоздалое. Это слово вообще имеет статус постоянно опаздывающего гостя с татарской физиономией.

Романов удобно устроился в кресле, захотелось позвонить в Североморск и поговорить с сестрой Татьяной, но он только покосился на открытую записную книжку; снова налил коньяку, пил уже мелкими глотками, подолгу держа коньяк во рту. Открыв московскую газету, которую с утренними гостями ему переслал Дробов, он с усмешкой уставился на фотографию человека, за спиной которого висел портрет Сталина. Правда, усмешка была бледной, он боялся этого человека. Боялся даже тех огромных денег, которые тот заплатил ему. Романов никогда не видел столько денег сразу, он спрятал их в сапоги, которые повесил в кладовке, прикрыв сверху грязными носками. Более надежного убежища он придумать не мог. Да и кто сунется в его однокомнатную квартиру с убогой мебелью? Не было еще случая, чтобы обворовывали квартиры офицеров-доходяг. Он вообще-то служил в спецподразделении, зарплату, конечно, тоже задерживали, но всего на месяц-другой, только что на нее можно купить? Сразу ничего не купишь, а накопительством, как это делали раньше, сейчас никто не занимался. И что накопишь? Разве что пополнится запас пустых бутылок в подвале сарая.

Теперь у него было практически все: из одного ялового сапога торчал бампер «Жигулей», из другого валил веселый дымок из печной трубы деревенского домика. Было все, и не было ничего.

Все было: и бывший командир его бригады Григорий Иванович Дробов, неожиданно разыскавший Романова полтора года назад; потом первое хищение, первая сделка – два гранатомета «РПГ-7» бесшумно покинули свое место на складе. Начфин части капитан Копытин и замкомандира по вооружению вошли в долю. Вошли очень охотно. Далее был заказ на «шмель» – установку объемного взрыва; такового на складе не оказалось. Зато были гранаты «РГД-5», электродетонаторы, патроны... Куда это все уходило, ни Романов, ни Копытин не интересовались. Самое главное – им платили деньги. Копытин умело управлялся с бухгалтерией, часть похищенного он списывал как использованное на учениях, часть отписывалась по распоряжению вышестоящего командования.

Дробов платил хорошо, но... не очень. «Не очень» – это его слова, Дробова. И еще: «Жди, Дима, настоящего заказа». Романов ждал. Заказ пришел. Для его реализации пришлось взять в долю еще одного человека, который и сгубил все дело. Этим человеком оказался прапорщик Шлях... Был и другой человек, который может кое-что поправить. Жаль, что приходится встречать его с пистолетом в руке. Но это временно, во всяком случае, только для начала. А потом... потом, когда Антон уйдет, пистолет понадобится снова.

– Коньяк...

Антон ничего не понял, он видел, что Романов уходит, и не знал, как вернуть его к жизни хотя бы ненадолго.

Вода, которую тот выпил, отошла, и сейчас изо рта капитана снова неслись комки темной рвоты.

– Дима, – Антон прислонил Романова к стене, держа его голову. – Что пропало со склада? Что вы продали с Яриным?

Романов невероятным усилием поднял большой палец и хотел что-то сказать. Но в горле снова булькнуло, и Антон ничего не понял.

– Что пропало со склада, Дима? Это очень важно.

Удушающий запах изо рта Романова выворачивал внутренности Антона наизнанку, он терпел, стараясь не дышать носом; они оба – капитан и Антон – смотрели друг на друга, широко открыв рты.

Эта сцена буквально потрясла Юльку, ни в одном фильме ужасов она не видела таких лиц, такого простого, но ошеломляющего действия – это был поединок двух сумасшедших, внезапно потерявших человеческий облик. Еще чуть-чуть, казалось ей, и они начнут жадно грызть друг другу глотки; и будут делать это медленно и извращенно, слизывая языками с шей кровавые сгустки рвоты.

Превозмогая отвращение, она сорвала с вешалки одно из полотенец и бросила на колени Антону. Тот, не глядя, взял его и отер лицо Романова.

– Что пропало, Дима?

– А, – вырвалось у Романова.

– Так, хорошо, – подбодрил его Антон. – Дальше.

– Двести... – Романов, синея от натуги, приподнял руку и положил ее на плечо Антону. Глаза потухли совсем, зрачки заполнили почти все их пространство и были похожи на люки танка: сейчас крышки захлопнутся – и все.

– Дальше, Дима, – торопил его Антон, ощущая на плече ледяную ладонь капитана. – А, двести... Что дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.